

Агата
ЛЕЛЬ

НЕ СЛОМЛЕННАЯ

Агата Лель

Несломленная

«Литнет»

2018

Лель А.

Несломленная / А. Лель — «Литнет», 2018

РОМАН ИЗДАН В «ЭКСМО» Она родилась поцелованной солнцем, но не Богом, вся её жизнь — борьба, а главный враг — она сама. Демоны прошлого не желают отпускать, раз за разом заставляя переживать то, что так сильно хочется забыть. Казалось бы — влюбилась, но в того ли? Что это: подарок судьбы или очередная проверка на прочность? И построишь ли свое счастье на обломках чужого? --- Не ваниль! Сложная судьба и жизненная драма. Серая мораль. Однотомник!

© Лель А., 2018

© Литнет, 2018

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	7
Часть 3	9
Часть 4	13
Часть 5	16
Часть 6	19
Часть 7	22
Часть 8	25
Часть 9	27
Часть 10	31
Часть 11	38
Часть 12	41
Часть 13	46
Часть 14	51
Часть 15	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Часть 1

Тяжело жить в наше время, вы не находите? Сумасшедшее время прогресса, нанотехнологий, генно-модифицированных продуктов, клонирования и движения нон-стоп.

Термальная вода, йога, электронные сигареты, пилатес, кислородные коктейли, обвертывание водорослями мёртвого моря. Идеальные дома, идеальный газон, идеальные локоны. Даже старость мы принимаем достойно, с гордо поднятой головой, записываясь на уколы ботокса....

Как скучно мы стали жить. Стандартами, навешанными современной Европой. Подсмотренный быт со страниц глянцевого журнала. Мы хотим быть свободными и псевдораскрепощенными, заталкивая своё настоящее "я" в недра сознания, дабы не выделяться и соответствовать идеальному, придуманному кем-то другим, миру. Ведь гораздо проще влиться в массы, чем доказывать свою самобытность.

Мы в клетке, друзья. В кандалах.

Общество лучше знает, как вам жить, что есть, и с кем спать.

Итак, здравствуйте.

Меня зовут Александра, мне тридцать два года, и я та, кто не хочет жить по этим правилам. Я отщепенец социума. Все вышеперечисленное меня напрягает и отвращает. Я та самобытная облезлая кошка среди лощёных гламурных гиен. Я сама не знаю, чего хочу, поэтому меняю города и страны в поисках своего идеального мира.

Последний раз я сбежала из Бельгии в Питер в надежде перечеркнуть прошлое. Начать с чистого листа. Переписать карму. И вы знаете, мне это удалось. Я забыла прошлое, но вляпалась в очередное дерьмо под названием любовь. Любовь порочная.

Ещё раз здравствуйте. Я та, кого вы презираете.

Я — любовница вашего мужа.

Начну с небольшой предыстории.

Я родилась в 1981 году, в городе Н., в самой обычной советской семье. Тут мне нечем вас шокировать, простите, никаких травм детства: отец не буянил, не пил и не уходил в загулы, меня никто не растлевал и не использовал мой труд. Я росла в ауре любви и покоя. В меру строгая мама, добродушный папа, заботливая бабушка, брат-оболтус. Я очень хорошо училась и не доставляла родным абсолютно никаких проблем. Идеальная дочь, внучка, сестра. Тихая, послушная, крайне зажатая отличница. Но, идя в школу, я ежедневно переживала свою личную трагедию – одноклассники меня не то что не любили – меня презирали. Обзывали и обижали. За мой ум, за скромность, за страшный пиджак и юбку ниже колен, за неумение дать сдачи. И за мою внешность. Мне "повезло" родиться рыжей. Мелкие, как у афроамериканки, завитушки, рыжие брови, блеклые ресницы. И веснушки. Адово количество конопушек, особенно с приходом весны они как с цепи срывались, настоящее буйство! В переходном возрасте они стали покрывать не только моё лицо, но и шею, руки, плечи, грудь... Я ненавидела себя за это, ненавидела отца, подарившего мне эту "солнечную радость", и брата, который, нисколько не комплексуя, залихватски зачесывал свой рыжий чуб в причудливый трамплин.

Я не была откровенно некрасивой, но я была рыжей, и это было моё самое главное пубертатное горе.

К девятому классу я обзавелась двумя подружками – Ирой и Галей, тоже серыми и неприметными; мечтой – уехать из Н.;и своей первой великой любовью – Кириллом Мамоновым. Он сыграл большую роль в моей жизни, жаль, что трагическую.

К нему мы ещё обязательно вернёмся. Позже.

Часть 2

Санкт-Петербург, 2012 год, ноябрь

Конец ноября. Самый позорный месяц в году. Еще не зима, но уже не осень. Уже не любимое легкое пальто, но еще не шуба... Лёд тонкой корочкой покрыл замерзшие лужи, она ещё не совсем прочная, и, неаккуратно наступив – хрум! – нога увязла в ледяной жиже.

— Твою же ты мать! – выругалась я, извлекая новый сапог из недр грязной воды.

Чудесная красная замша потемнела, приобретя неряшливый вид. Marc Jacobs. Шестнадцать тысяч рублей с пятнадцатипроцентной скидкой. Прекрасное утро.

Я шла по проспекту, сжимая в кармане замерзшими пальцами пачку сигарет. Поскорее бы добраться до конторы и совершить первую за утро живительную затяжку, ведь благодаря тому, что проспала, покурить я так и не успела. А ведь утренняя сигарета это целый ритуал – чашка крепкого кофе, Парламент и что-нибудь из ретро, тихо льющееся из динамиков. Вновь покосилась на сапог. День ещё не начался, но уже все наперекосяк. Мелкая морось, хмурые лица, поникшие плечи прохожих. Да, Питер волшебный город, но не в ноябре и не этим утром. Воспоминания нахлынули сами собой, как волна, как цунами...

Там сейчас такое же серое утро, только на час раньше... В его квартире темно и холодно, радиаторы отключены. Ной просто ненавидит жару. Как и я. Ной. Он сейчас спит.

"Не думай о нём. Не думай о нём! Не. Думай. О. Нём!!!"

Какая же я слабая, дурёха бестолковая...

Впереди показался огромный бизнес-центр, в здании которого я трудилась вот уже три месяца, находясь на испытательном сроке в компании «Малиновский и сын». Я не знала наверняка, нравилось ли мне там, хотела ли я там остаться... Не знала. Я просто была рада. Рада, что убежала. Мне нравилось, что я теперь свободна, и что далеко от...

— Девушка, простите, вы обронули.

Мужчина в бежевом расстегнутом пальто протягивал мне красную вязаную варежку. Мою. Я похлопала по карманам своей зелёной парки. Так и есть. Потеряла, ворона.

— Спасибо, — сухо поблагодарив, я, даже толком не взглянув на мужчину, забрала свой предмет и побежала вверх по ступенькам. Как ни странно, он последовал за мной.

Ожидая лифт в толчее офисного планктона, я оглядела профиль незнакомца. Серый костюм-тройка, высокий, статный и ... рыжий. Я легка улыбнулась. Ещё один "поцелованный солнцем". Не рыжий-рыжий как я, а скорее ржавый блондин. Рыжие ресницы, рыжие брови, рыжая, стильно подстриженная борода и россыпь конопушек на переносице. Я взглянула на его руки, сжимающие чёрный кожаный портфель: фаланги пальцев покрывали тонкие рыжие волоски... "Как я тебя понимаю, брат" – мысленно посочувствовала я. С лёгким звоном отворились двери лифта, и человеческая лавина единым потоком влилась в просторную кабину.

Город Н., 1996 год

Кирилл. Мамонов. Он здесь.

Сердце словно взбесилось.

Я ещё не видела его, но четко слышала голос в коридоре школы. Его хохот – громогласный и заразный – я ни с чьим не перепутаю. Как всегда он появился за минуту до звонка.

— Явился не запылелся! — презрительно фыркнула Яна и достала учебник.

Яна была моей одноклассницей и по совместительству соседкой по подъезду. Такой же зубрилкой и отщепенцем, но в отличие от меня, Янка была остра на язык. Правда, когда её никто не слышит.

— Кто явился? — закосив под дурочку, спросила я.

— Кто, кто... Мамонов. Идиот этот. Ненавижу его! — зло произнесла Янка и уставилась мне прямо в глаза. — А ты?

— Ага. Придурок, — быстро наклонилась к портфелю, дабы подруга не заметила, как густо я покраснела.

Я была влюблена в Кирилла с шестого класса, и это было моей огромной тайной! Самой-самой страшной! Мамонов был самым отвратительным и дерзким из всех, кого я знала, но именно его глаза я видела во снах вот уже четыре года. Четыре долбанных года, изо дня в день... Это была моя первая любовь, любовь сильная, но абсолютно безответная. Такой парень, как Кирилл, никогда не посмотрит на такую, как я. Никогда. Я это знала, но ничего не могла поделать со своими проклятыми чувствами.

В прошлом году я задержалась допоздна в библиотеке и, возвращаясь в сумерках домой через тёмный парк, увидела, как он целовался с Таней Журавлевой, девчонкой из параллельного класса. Спортсменкой и красавицей. Бойкой и наглой. Он трогал ладонями её оформившуюся грудь и жадно осыпал поцелуями шею, крепко прижав к стене беседки. Тогда это произвело на меня такое сильное впечатление, что я на два дня слегла якобы с простудой. Не ела и не пила. Только плакала. Я прогуляла школу впервые в жизни. Это было огромное потрясение. Даже скоропостижная смерть деда не повлияла на меня так сильно, как увиденная картина в тех весенних сумерках...

— Рыжова, дай англиш списать, — Мамонов обдал меня амбре из сигарет и мятной жвачки. — Ну, дай, тебе жалко, что ли?

Не смея взглянуть ему в глаза, я послушно полезла в сумку.

— Ты дура, что ли? Не давай ему ничего! — прошипела Янка, а я, словно загипнотизированная, протянула ему зелёную общую тетрадь, будто ненароком коснувшись пальцами прохладной сухой ладони.

— Пасиб, Рыжова. Человечище! — он сжал моё предплечье и в три прыжка добрался до своей последней парты.

— О, молоток, Кирюх, где урвал? — накинудись мальчишки, вырывая тетрадь из рук друг у друга.

— Да, Гоблин списать дала, — небрежно отмахнулся он.

Пацаны громко заржали.

Моё предплечье горело огнём, как и пылающие щёки.

Я любила его. Любила!

И да, моя фамилия Рыжова. Вот такая вот ирония.

Часть 3

Санкт-Петербург, 2012 год

Наскоро выпив кофе и выкурив по две тонких сигареты, мы с Костей Линьковым, коллегой-айтишником, направились на планерку. Обычно «летучка» проходила раз в неделю в большом конференц-зале и строго по вторникам, но наш генеральный ввел правило: в последний понедельник месяца собирать весь персонал, а не только директоров, их замов, и замов их замов. Таким образом он хотел ещё больше сплотить коллектив, как бы стирая грань между высшим руководством и сотрудниками среднего звена. Все, включая секретарей и мелких разнорабочих, набивались в помещение и делали вид, что всё происходящее им очень интересно.

Дмитрий Степанович – грузный лысеющий гендиректор всея корпорации «Малиновский и сын», создал компанию с нуля и очень этим гордился. Финансы, аудит, консалтинг – сфера, в которой Малиновский достиг больших высот. Услуги «ФАКа» — как негласно прозвали компанию сотрудники — были одними из самых дорогих и самых востребованных в Петербурге, и кадры Дмитрий Степанович выбирал соответствующие – с хорошим образованием и цепким умом. Лично беседовал с каждым, проверяя испытуемого на вшивость. Кстати, почему «и сын», для всех было тайной, покрытой мраком, ведь насколько было известно, никакого сына у Малиновского не было.

Переговариваясь, мы с Костей вошли в конференц-зал. Огромный овальный стол. Серые, синие, чёрные пиджаки. Натянутые улыбки. Идеальные укладки. Запах парфюма. Я моментально почувствовала себя не в своей тарелке, машинально одергивая простое вязаное платье и поправляя выбившуюся из-под заколки прядь волос. Какое счастье, что от программистов не требовали соблюдать этот чопорный дресс-код.

Ближе к руководству теснились экономисты, аналитики, маркетологи, брокеры... Все они считали себя пупом земли и всерьез полагали, что вся эта финансовая пирамида держится исключительно на их могучих плечах. И никто не задумывался о том, что стоит ушлому хакеру один раз, шутки ради, пошалить в базе данных, и весь их фондовый рынок на какое-то время полетит к чертям собачьим. Мы с Костей любили шутить на эту тему, но разумеется, воплощать свои угрозы в жизнь не собирались.

— А как ты считаешь, если упасть сейчас, изобразив какой-нибудь припадок, это поможет избежать скучной часовой лекции о покупке, продаже, удержанию ценных бумаг, обзору биржевых сводок и прочей мути?

— Сомневаюсь, но если решишь попробовать — предупреди, я сниму на телефон, — хохотнул Костя и галантно пододвинул мне стул. Приземлились мы в хвосте стола, к таким же оборванцам из нашего офиса, дабы не смазывать идеальную картину своим неряшливым видом.

— Ну что, все в сборе? Начнём, пожалуй, — подал голос Дмитрий Степанович, и шепот моментально стих.

На столе аккуратным рядком стояли маленькие бутылки минеральной воды, и я с жадностью смотрела на живительную жидкость.

— Всё-таки последний стакан виски с колой надо было употребить без виски, — наклонившись к Косте, прошептала краешком губ.

— Да-да, только вчера кого-то за уши было не оттянуть: "Костя, ну ради всего святого, живём один раз", — довольно искусно спародировал Линьков, и я хихикнула.

Костя был моим коллегой и хорошим товарищем. Даже нет – Костя был моим другом, хотя мы были знакомы без малого три месяца. Вообще, я не очень люблю людей, тяжело вли-

ваюсь в новые коллективы, подружиться с кем-то всегда было крайне сложно. «Колючка» — так называла меня бабушка и была абсолютно права. Но с Костей общий язык мы нашли сразу же, как только я переступила порог «ФАКа». Он, жертвуя своим личным временем, методично вводил меня в курс дела, рассказывая о подводных камнях и тонкостях компании. Я была хорошим специалистом в IT области, но опыт никогда не бывает лишним. Да и подводных камней оказалось предостаточно. Испытательный срок, на котором я ещё находилась, подходил к концу, и у меня были большие шансы пополнить штат своей скромной персоной. В принципе, в «Малиновском» меня устраивало всё, особенно зарплата, но постоянный шум и невозможность уединиться были, пожалуй, единственными по-настоящему раздражающими минусами этой работы.

Наш офис представлял собой большое помещение в современном стиле опенспейс, где не покладая рук буквально бок о бок трудились два десятка сотрудников. Коллеги с утра до вечера переговаривались, обсуждали рабочие вопросы, передавали папки с документами, звонили телефоны, гудели принтеры, сканеры, кулеры... Все это напоминало беспрестанно кишащий улей. Наши с Костей столы стояли напротив, вплотную прижатыми друг к другу, поэтому сам Бог велел завести общие интересы. Днём мы прилежно трудились, а вечерами посещали всевозможные питейные заведения Питера, гуляли по торговым центрам, ходили в кино, и вообще, были не разлей вода.

Вода.

— Кость, пить хочу, умираю, — шепнула я снова.

— Ну, давай, рискни, — он хитро улыбнулся.

Состроив скучающую мину, я протянула руку и, резко схватив бутылку, спрятала под стол. Секретарша Светочка, мимо которой и муха не пролетит незамеченной, одарила меня презрительным взглядом.

— ... и это на четырнадцать процентов повысит доход нашей компании, — проговорил гендиректор. — К тому же, из Германии вернулся Марат Игнатович, наш бессменный финансовый аналитик. Кто ещё незнаком, прошу любить и жаловать. У нас серьезные кадровые перестановки, — добавил он уже тише, адресуя уточнение конкретно этому Марату, на которого я не смотрела, выбрав вожаемой целью бутылку «Боржоми». Над столом выросла длинная фигура "ржавого блондина". Он одарил всех мягкой улыбкой и, раскланявшись, сел на место.

— Марат Игнатович, мы рады вас видеть. Наконец-то все шестерёнки в строю, и механизм заработает с удвоенной силой. Как вам Берлин?

— Дмитрий Степанович, было столько работы, что я не успел ничего рассмотреть. Но пиво они варят однозначно лучше.

Раздался нестройный взрыв смеха. Я тоже улыбалась, думая только о том, как бы незаметно осушить эту чертову бутылку. Планерка продлится минимум час, что ж за мучение-то такое!

К тому времени, когда лимит шуток о Германии был исчерпан, и все с серьезными лицами, сведя брови к переносице, принялись обсуждать биржевые сводки, я уже буквально изнемогала от жажды.

— ... таким образом, если брать в расчёт последние котировки...

Пфссссссщсссс!

Бутылка минералки, выпуская пузырьки газа на свободу, издала характерный звук, обдав при этом брызгами колени Кости, стол и мои новые многострадальные сапоги. Все как по команде уставились на меня, прожигая удивленно-испепеляющими взглядами. Гробовая тишина. Дмитрий Степанович, сдвинув очки на кончик носа, по-совиному замигал маленькими глазками. "Ржавый" прикрыл рот ладонью, явно скрывая улыбку. Я густо покраснела.

— Простите... это... случайно... вышло, — вытирая стол рукавом платья, еле слышно пролепетала я, молясь, чтобы под стулом открылся люк в Нарнию и забрал меня к чертям собачьим, подальше от взглядов этих доморощенных снобов в лаковых ботинках.

— Хахаха, ну ты жжёшь, Рыжова! Случайно вышло, — угорал Костя, по-дружески положила руку на моё плечо. Как только закончилась планерка, мы пулей выбежали самые первые. Ещё один плюс сидеть в хвосте стола.

— Это провал, Кость, очередной провал! — я удручённо покачала головой, стараясь не смотреть на проходивших мимо свидетелей моего позора.

Секретарша Светочка, высокомерно ухмыльнувшись, прошагала мимо, виляя своей идеальной пятой точкой, обтянутой в сшитую словно по ней чёрную юбку-карандаш. Стук тонких шпилек ее модных туфель звонким эхом вибрировал в ушах.

— Да забей ты, Саш, было даже весело. С кем не бывает, — попытался подбодрить Костя.

— С тобой было такое?

— Со мной? Эм... дай подумать... Нет.

— То-то же! Я — человек-катастрофа.

Что-то бурно обсуждая и активно жестикулируя, мимо прошагали гендиректор, его зам, коммерческий директор — в общем, вся "элита" ФАКа. Ржавый, проходя в составе вышеперечисленной коалиции, окинул меня любопытным взглядом и улыбнулся.

— Кость, а кто это? — тихо спросила я, кивнув на удаляющуюся спину финансиста.

— Рыжий, что ли? Так это Голубь, финансовый директор, только из командировки вернулся. Ты чем слушала, на планерке же говорили о нем.

— Голубь — это прозвище? Типа, любит подгадить в неожиданный момент?

— Голубь — это просто Голубь, фамилия такая. У тебя слишком бурная фантазия, Рыжова, — гоготнул Костя. — Давай быстренько по кофе и за работу, — подойдя к автомату, он кинул монеты в прорезь для денег, и те со звоном укатились в бездонные недра.

Голубь... ну надо же.

Остановившись у лифта, Ржавый беседовал с Малиновским, и, договорившись о чем-то, мужчины, пожав друг другу руки, разошлись. Проходя мимо меня, Марат Игнатович снова улыбнулся. Слегка, лишь глазами и краешком губ.

— Капучино, как ты любишь, прошу, — протянул напиток Костя.

Бумажный стакан обжигал ладони. Я задумчиво проводила взглядом фигуру в сером. Рыжий. Смешной.

Люблю голубей.

Следующие несколько недель мы сталкивались с Ржавым то у входа в здание, то в лифте, то в холле. Три этажа бизнес центра принадлежали нашей компании: масса коридоров, кабинетов, закоулков, но почему-то, куда бы я ни пошла, везде натыкалась на его рыжую шевелюру. Сталкиваясь, мы, безмолвно улыбаясь, расходились по разным сторонам, и я ещё долго ощущала затылком его пронизывающие взгляды. Я не придавала большого значения этим совпадениям и упорно старалась не замечать его повышенное внимание. Мне не казалось — он абсолютно точно меня будто бы изучал. Не могу сказать, что это было неприятно, но мне было немного неуютно, и, как минимум, странно. Я явно не соответствовала тому типу женщин, которых выбирают такие импозантные мужчины, и неважно, в качестве кого: жен, подруг, любовниц. Мужчины, подобные ему, выбирают женщин шикарных, уверенных в себе. С большой грудью, осиной талией и копной платиновых, струящихся по спине волос. Как Светочка. Вот она как никто подходила под данное описание. Но Ржавый почему-то упорно находил гла-

зами именно меня, заставляя тем самым смущаться. Смущаться не как школьницу, я не краснела и не потупляла скромно взор, просто было невдомек: что тебе от меня нужно?

К тому времени я уже давно переросла свои подростковые комплексы, к тридцати, знаете ли, ты волей-неволей учишься принимать себя такой, какая ты есть. В рыжих волосах и веснушках я научилась видеть свою изюминку, в угловатости – некий шарм, в несуразной одежде – свободу, а в невезучести – закономерность. Я такая, и я научилась жить в гармонии с собой. У меня просто не было выбора. Хотя нет... был... и тонкий косой шрам на запястье об этом постоянно напоминал. Но, видимо, кому-то "там" было угодно, чтобы я жила... С того дня, когда я увидела поседевшего за какие-то сутки от горя отца, и бледную, осунувшуюся до неузнаваемости бабушку, именно с того самого дня я перестала быть слабой. И научилась любить себя.

Часть 4

Город Н. 1997 год

Вообще, я всегда любила учиться. Русский язык, география, история, точные науки – все это давалось мне с необычайной лёгкостью. Не скажу, что мои родители были семи пядей во лбу, и это генетическое, скорее, я училась на отлично от безысходности. Ну а чем ещё было заниматься долгими зимними вечерами? Да и летними тоже... Друзей у меня не было, на дискотеки я не ходила, на посиделки во дворе меня никто не приглашал.

Ира с Галей вечно высмеивали ребят, тусующихся вечерами на исписанных непристойными выражениями лавках:

— Сидят, двоечники, портвейн посасывают и песни матерные горланят. А завтра будут канючить: “Лаврова, дай алгебру списать”, — демонстративно отвернувшись, с презрением фыркнула Галя.

— Ага, они только и умеют, что курить да материться! — поддержала её Ира, взяв крепче подругу под руку.

Наша троица прошла мимо шумной компании, и вслед раздался взрыв хохота. Они смеялись над нами. Они всегда смеялись над нами! Клоунессы, заучки, серые мыши, посмешище...

Вернувшись домой, я ещё долго наблюдала за ребятами с балкона.

Они играли на гитаре, дурачились, травили анекдоты и отпивали вино прямо из бутылки, передавая её по кругу. Такие раскрепощенные, такие беззаботные... Я мечтала быть такой же, как они.

Мечтала, что однажды я буду так же сидеть рядом и пить вино, взяв бутылку из рук Кирилла...

Я разглядывала его силуэт в опустившихся на город сумерках, с болью наблюдая, как смело он флиртует с девчонками, приобнимая то одну, то другую, и больше всего на свете мечтала оказаться на их месте. Что его руки когда-нибудь окажутся на моей талии.

Я фантазировала, как он убирает прядь волос с моего лица и, чуть наклонившись, целует в губы... Мне было стыдно за подобные мысли, я прямо чувствовала, как краска равномерно приливала к лицу, но не думать об этом я тоже не могла. Шестнадцать лет, невероятное буйство гормонов... Тогда я всерьёз полагала, что я самый несчастный человек на свете, и что хуже, чем сейчас, быть просто не может.

Как же сильно я тогда ошибалась.

Санкт-Петербург, 2012 год, декабрь

— И кто вообще придумал эти дурацкие посиделки в том пафосном ресторане? Собрались бы в конференц-зале, купили шампанского, накромсали бутербродов... Куда душевнее, разве нет? — ворчала я, стоя на шаткой стремянке, сжимая в зубах рулончик скотча.

— Ты с ума сошла? Это же совок какой-то! — возмутился Костя, придерживая меня за ноги. — Бутербродики со шпротами, Пугачёва по первому, Советское шампанское в хрустальных бокалах, и эта... как её, икра заморская...

— ...баклажанная! — произнесли мы хором и рассмеялись. Я аккуратно спрыгнула со стремянки и гордо окинула взглядом свою работу.

— Ну, как тебе? Класс?

Над входом в офис красовалась сплошь усыпанная блестками бумажная вывеска “С новым Годом”, опутанная паутиной разноцветной мишуры.

— М-да... Прямо чувствую от тебя провинциальный запах, с примесью нафталина и бабушкиной шали, — пошутил Костя, за что получил от меня скотчем по лбу.

— Ничего ты не понимаешь, Линьков! Это же настоящий Новый Год, а не этот ваш гламур, который никому не нравится. Белая ёлка с однотонными шарами, нет, ну где это видано? Ерунда какая-то! Так же и с рестораном.

— А вот тут я тоже с тобой поспорю. Раз в год могут и раскошелиться на любимых сотрудников, — парировал Костя, вновь оглядывая проделанную мной работу. — Ну, ты же знаешь, что скажет Мадам, когда это увидит...

— Мне вообще все равно. Я на её территорию не лезу и прошу от неё того же. Легка на помине... — шепнула я, услышав за дверью знакомое цоканье шпилек.

Секретарша Светочка, которую за глаза все называли Мадам, открыла дверь и, саркастически ухмыляясь, кивнула на вывеску.

— А это что ещё за порнография?

— Ты о своём вырезе?

Мило улыбаясь, я смотрела ей прямо в глаза. Высокомерно вскинув бровь и ничего не ответив на мою реплику, она, демонстративно отвернувшись, обратилась к корпевшим над компьютерами сотрудникам:

— Напоминаю: послезавтра в восемь вечера корпоративная вечеринка в Моргане. Явка обязательна. И, пожалуйста, наденьте что-нибудь... попримечнее, — Светочка презрительно окинула взглядом наши толстовки и рваные джинсы. — И Бога ради, снимите эту пакость, — наманикюренным пальчиком указала на мишуру и, громко хлопнув дверью, покинула кабинет.

— Я же говорил, Мадам и мишура – из разных эпох.

— Нет, ты видел её буфера? В них же килограмма по три силикона. В каждой! — возмущённо произнесла я, размахивая руками, избавляясь от приторно-сладкого аромата духов секретарши. — И присутствовать на этом бале лицемерия не очень-то и хочется... Ты пойдёшь?

— Конечно. Где ещё я попою халявного «Кристалла» и поем чёрной икры?

Послышался шорох, и слово “Годом” сначала отклеилось с одной стороны, а потом, повисев долю секунды на краешке буквы “М”, вовсе рухнуло на пол, потянув за собой вереницу мишуры.

— Ну что, снимаем? — силясь скрыть улыбку, предложил Костя.

— Размечтался! — я зло обернулась на дверь. — Раскладывай обратно стремянку.

И вот так во всём.

Жизнь научила быть настырной.

День X, то есть день корпоративной вечеринки, приходился на субботу, и у меня не было абсолютно никакого желания туда идти. Идти в место, которое тебе не нравится, проводить время с людьми, с которыми его проводить не хочется. Дурацкие условности, и кто их вообще придумал? Благо, там будет Костя и ещё несколько приятных коллег из IT отдела. Что ж, раз избежать не получится, сядем с ребятами за один столик и устроим свою собственную вечеринку.

Докурив сигарету и затушив её в переполненной пепельнице, я зашла в душевую комнату, плотно прикрыв за собой дверь балкона. Так, с чего бы начать? Оглядев критическим взглядом содержимое шкафа, остановила свой выбор на длинном платье изумрудного цвета. Я купила его в Бельгии на прошлое Рождество, но надеть мне его так и не довелось... Тряхнув головой, избавляясь от грустных мыслей, сняла платье с вешалки и приложила к груди, любуясь изображением в зеркале. На меня смотрела невысокая девушка с веснушками на переносице и рыжим облаком пушистых волос. Маленькие аккуратные ушки, вздернутый нос, выпираю-

щие ключицы... В уголках глаз появились первые мимические морщинки. Господи, мне уже за тридцать...

— Ну что, будем делать красоту? — задала я вопрос самой себе и, бросив платье на незастеленный диван, направилась в душ.

Я вообще какая-то неправильная женщина, все у меня не как у людей. Для того, чтобы полностью собраться, мне требуется каких-то двадцать минут. Краситься я не любила, да и не умела толком, с причёсками тоже как-то с юности не заладилось, поэтому, бегло проведя тушью по ресницам и уложив волосы муссом, чтобы они легли тугими локонами, а не развевались, как обычно, словно одуванчик на ветру, через полчаса я была уже полностью готова.

Платье сидело как влитое, и хотя я ощущала себя в нём не совсем комфортно, то, что я увидела в отражении, мне нравилось. Милая. Очень милая девушка, вот какие приходили ассоциации. Не яркая красotka, как Светочка, но тоже вполне себе ничего. И если бы не эти дурацкие веснушки, то даже можно было бы назвать хорошенькой. Хотя, по заверению некоторых мужчин, именно веснушки делали меня особенно привлекательной. И вот пойми их! Вот уж точно: мужчины с Марса, а женщины с Венеры.

Взглянула на старые настенные часы в тяжёлой деревянной оправе — начало восьмого, скоро прибудет Костя, и мы вместе направимся в ресторан. Цены на такси перед праздниками взлетели в три раза, но не на метро же в таком виде ехать! Вскладчину дешевле, да и веселее. Никогда не дружила с мужчинами, отношения с ними у меня вообще складывались как в самой плохой мелодраме, но с Костей всё было иначе. С ним мне было комфортно, уютно, как... ну как в любимой пижаме у камина. Улыбнувшись сравнению, услышала настойчивый звонок в дверь.

— Ты самый пунктуальный мужчина из всех, кого я знаю, Линьков, — приговаривая, открыла дверь и встретила с изумленным взглядом друга.

Широко раскрыв глаза, он с интересом осмотрел меня с головы до ног, даже присвистнул, словно не мог поверить, что это действительно его Рыжова. Конечно, ведь кроме джинсов, рубашек и простеньких платьев, он на мне ничего другого никогда не видел.

— Простите, я, наверное, квартирой ошибся...

— Очень смешно! Проходи. Ты очень вовремя, я уже вызвала такси, — впустила его в дом, запирая дверь на цепочку. В крошечном коридоре моей съёмной однушки было не развернуться.

— Нет, правда, Рыжова, выше всяких похвал! А почему ты всегда так не ходишь?

— Ты издеваешься? В этом? Предоставь эту участь кому-нибудь типа Мадам. Хотя нет, тогда платье должно быть раза в три короче!

Костя хохотнул, поправляя узел криво завязанного галстука. Ему тоже было не совсем комфортно в брюках и пиджаке, но выглядел он, должна признаться, просто потрясающе.

— Ну вот, а говорил, что нет ничего приличного, — перевязывая узел по-другому, похвалила я, — тебе очень идёт, правда. Откуда костюмчик? Только не говори, что остался с выпускного!

— Так заметно? Мне казалось, что я удалил то пятно с плесенью, — поддержал он, и мы рассмеялись.

И так проходил каждый наш день. Он не позволял мне грустить ни единой секунды, за что я была ему безмерно благодарна. Мне определенно повезло с другом.

Из комнаты раздались трели мобильного.

— А вот и такси, — накинув пальто на плечи и надев черные лодочки на высоком каблуке, взяла с тумбочки золотистый клатч. — Ну что, глубокий вдох — и вперёд, покорять гламурные пьедесталы?

Часть 5

Ресторан был жутко пафосным. Высокие потолки, имитирующие звёздное небо, белые скатерти с вышивкой ручной работы, на стенах репродукции картин знаменитых художников, скучная музыка, льющаяся, конечно же, из дорожных динамиков...

Я немного иначе представляла новогодний корпоратив. Разве задача данного мероприятия не в том, чтобы людям было весело? Здесь же можно только сидеть, сложа руки на коленях, боясь к чему-либо прикоснуться.

Круглые столы были накрыты на шесть персон, и мы с Костей поспешили приземлиться за самый дальний, у огромного панорамного окна.

— Рыжова, твоё место там, — откуда ни возьмись материализовалась Светочка и указала на столик у барной стойки, где со скучающим лицами уже сидели несколько человек.

— С сотрудниками отдела маркетинга? Да я никого оттуда не знаю! Что за... — поток бранных слов готов был вылиться на обесцвеченную голову секретарши.

— Это не моя идея, поверь, — она выразительно кивнула на именные карточки в виде новогодних шаров. — Если бы я решала, с кем делить трапезу, то однозначно выбрала бы иной контингент.

Её брезгливый тон вывел из себя окончательно. Да кем она себя возомнила? Обычная секретарша, принеси-подай, а гонора... Костя с грустью пожал плечами. Его эта новость тоже явно не обрадовала.

Хотелось развернуться и покинуть этот цирк. Что за бред? Кому это вообще в голову пришло? У меня единственный друг в этой компании, и я хотела разделить вечер с ним! Карточки с именами! Где это видано? Они бы ещё клеймо при входе ставили.

— Ты куда? — встрепенулся Костя, схватив за ручку моей маленькой сумочки.

— На кудыкину гору! Не собираюсь участвовать в этом параде петухов и... куриц, — добавила я, многозначительно посмотрев на оголенную спину Мадам.

— Да брось ты, в самом деле. Час для приличия посидим, а потом уйдем. Смотри сколько халявы, — взяв таралетку с икрой, Костя незаметно положил её в рот, — оммном, вкуснятина! Будешь? Давай ещё с собой завернём?

Я против свой воли рассмеялась. Вот что бы я без него делала? Это просто какой-то фонтанирующий сгусток позитивной энергии, а не человек. Для вида закатив недовольно глаза, поплелась к своему столику. Была не была, раз уж все равно пришла, посмотрю, чем ещё удивит Малиновский. Кстати, его самого нигде не было видно.

Музыка стихла, и раздался нарочито веселый голос ведущего с дурацкой бородкой, в голубом, переливающимся блеском пайеток, пиджаке. Его лицо показалось мне смутно знакомым, по-моему, я видела его на одном из развлекательных телеканалов. Выдавая одну за другой заготовленные шутки, презентуя их будто только что придуманные, ведущий из кожи вон лез, чтобы отработать свой гонорар.

Примерно через полтора часа все порядком захмелели.

Мужчины, сняв свои дорогие пиджаки, отплясывали под очередной хит ди-джея Смэша, флиртуя направо и налево с холеными дамочками в мини. Народ отпускал двусмысленные шутки, беспрестанно хохоча и не выпуская из рук бокалы с шампанским. Что Питер, что провинция... по ходу, такого рода вечеринки везде проходят по одному и тому же сценарию, стоит только закинуть за воротник.

Костя ушел за сигаретами и куда-то запропастился, и я, сидя в одиночестве за барной стойкой, поглощала третий или четвертый бокал крепленого коктейля, с не самым довольным лицом наблюдая за происходящим.

Вдруг что-то изменилось. Что-то неуловимое, на подсознательном уровне. Так же играла музыка, так же плясали люди, но я отчетливо ощутила нарастающее в воздухе напряжение и лёгкое покалывание где-то в затылке.

— Скучаете? — раздалось возле уха, и, резко обернувшись, я увидела Ржавого. — Вы не против? — кивнул он на соседний стул, и, не дожидаясь ответа, приземлился рядом.

Неопределенно пожав плечами, будто мне безразлично его общество, отвернувшись в сторону танцующих, краем глаза наблюдая за соседом.

Сегодня на нем были темно-синие брюки и безукоризненно белая рубашка с небрежно закатанными рукавами. Но что больше всего поразило – это галстук с крошечными серебристыми оленями из упряжки Санта-Клауса. “Приоделся к празднику”, подумала я и еле сдержалась, чтобы не засмеяться. Узел фривольного галстука был расслаблен, две верхние пуговицы рубашки расстегнуты, и из выреза торчали курчавые рыжеватые волоски. Сегодня его вид уже не отличался свойственной ему презентабельностью. Прическа потеряла свою идеальность, а бледно-голубые глаза заволокла хмельная поволока. Ржавый был хорошо навеселе. Этот факт здорово расслабил.

— Что пьёте? – наклонившись ближе, спросил он, окутав ароматом дорогого парфюма и виски.

— Кровавую Мэри, — чуть приподняла бокал с остатками коктейля.

— Смелый выбор. Любите покрепче?

— «Шипучка» для слабаков, — с вызовом бросила я.

— Большой алкогольный опыт? Часто пьёте?

— Только в свободное от работы время. А вы, как я вижу, тоже не пропагандируете сухой закон, — кивнув на его стакан, с усилием подавила улыбку.

— Ну, сегодня же праздник, Александра, Новый Год!

— Вы знаете моё имя? — удивившись, округлила глаза.

— Ну, вы же моё тоже знаете. К тому же, я прилежный руководитель и изучил резюме всех моих подопечных. За вас, — слегка ударив краешком стакана о мой бокал, Ржавый залпом допил содержимое. — Почему именно IT? Необычный для девушки выбор.

— Люблю копаться в электронных мозгах.

— И можете взломать любой сайт?

— Кроме Пентагона. Он хорошо запаролен.

— А мою страничку ВКонтакте?

— Уже. Ничего интересного.

— Хахаха, да вы опасная женщина! — искренне рассмеялся он и, подозвав официанта, заказал два коктейля.

Я сама удивлялась своей смелости. Обычно с незнакомыми людьми, тем более мужчинами, и уж тем более начальством, я была крайне сдержана. Не то чтобы я стеснялась, скорее, просто старалась поменьше болтать языком и побольше слушать, но диалог с Ржавым не доставлял никакого дискомфорта, напротив, меня забавляли его вопросы и задорный смех. Мне нравилось его присутствие рядом. Нравилось на него смотреть, нравилось, как он смотрит на меня: откровенно, но без открытой похоти. Вечер неожиданно перестал быть скучным, и я обрадовалась, что Костя удержал меня от ухода.

— Кстати, поздравляю с окончанием испытательного срока и назначением на должность. Я лично подписывал приказ.

— Серьёзно? Какая честь. И чем я вам теперь обязана?

— Да бросьте. Когда-нибудь сочтемся, — произнес он и как-то странно посмотрел. Или мне показалось?

— Денег у меня нет, но в благодарность могу взломать страничку вашей подружки. Он снова рассмеялся, и так заразительно, что я тоже не сдержала улыбку.

Алкоголь понемногу достигал своей цели: я чувствовала себя расслабленной и раскрепощенной. Скованность куда-то ушла, и наше общение – начальник-подчиненная – уже не казалось каким-то странным или необычным.

— Если честно, я не была уверена, что меня возьмут. Особенно после того позорного случая, ну... на планёрке...

— А, вы про “псшссс”, — изобразил он шипучий звук, и мы оба зашлись от хохота. — Да, это было что-то! Вы тогда подняли мне настроение на весь день.

Костик так и не появился, да я и думать о нем забыла, беззаботно “воркуя” с Голубем, поглощая при этом коктейль за коктейлем. Я знала, что завтра буду краснеть, вспоминая этот вечер, но алкоголь лился рекой, непринуждённая беседа доставляла удовольствие. Ржавый был очень мил и совсем не походил на того сноба, которым я его видела, сталкиваясь где-нибудь в коридорах компании. К тому же я понимала, что он тоже пьян и вряд ли завтра вообще обо мне вспомнит. Где он и где я. Серая мышь и орёл. То есть Голубь.

— А вы курите, Александра? — спросил он, извлекая из кармана брюк пачку Мальборо.

— Да, мой друг как раз ушел за сигаретами и куда-то запропастился.

— Тогда прошу составить мне компанию. Идёмте, здесь очень душно, — поднявшись, он пошел в сторону крытой веранды ресторана, и я, расталкивая разгорячённо танцующих коллег, придерживая подол платья, поплелась за ним.

Сбившись группками, народ дымил сигаретами, громко разговаривая и ежеминутно заходясь во взрывах смеха. Мы с Ржавым встали у окна и с наслаждением затянулись вожаемым никотином.

— А вы знаете, я запомнил вас еще в тот день, когда вы потеряли свою перчатку.

— Перчатку? Не помню, — соврала я, смотря на тысячу огоньков ночного города, стараясь скрыть удивление, что он запомнил такую мелочь.

— Да, перчатку. Желтую или оранжевую...

“Красную, и это была варезка!” — захотелось поправить мне, но я вовремя вспомнила, что “забыла” о том случае.

— А еще запомнил, потому что вы рыжая. Это ваш натуральный цвет?

— А ваш? — спросила я, и он, похлопав долю секунды длинными ресницами, опять засмеялся.

— А если серьёзно? Вы никогда не хотели избавиться от этого “подарка” природы? Скажу по секрету, но только вам: меня посещали такие мысли в студенческие годы, но, боюсь, однокурсники из академии меня бы неправильно поняли, — лучезарно улыбнулся он, и сеточка мелких морщин паутинкой окружила глаза.

— А вот я однажды поэкспериментировала. Ещё в школе.

— Вот как? Должно быть, жгучая брюнетка?

— Нет... блондинка, — шепнула, будто поведала огромную тайну.

— Вам, наверное, очень шло!

— Нет, это было то ещё убожество. Более того, этот поступок разрушил мою жизнь, — произнесла я и тут же пожалела о сказанном.

Вот зачем. Зачем портить такой вечер, возвращаясь в прошлое? Там нет ничего хорошего. Там только боль, страдания и потери. Но было уже поздно, вихрь воспоминаний снова унёс меня на пятнадцать лет назад...

Часть 6

Город Н., 1997 год. Весна

Одиннадцатый класс, конец учебного года. Время, когда тысячи выпускников планируют своё светлое будущее. Я ничего не планировала, мой путь был предрешен: наш единственный в городе местный университет, экономический факультет. Не то чтобы я горела желанием туда поступить, просто этот вуз был в шаговой доступности от дома, и это решало всё.

Уехать куда-то было моей мечтой, но мама даже слышать ничего не желала. «Везде один разврат, молодежь вместо учебы черт-те о чем думает, а в больших городах еще и разбой кругом, людей прямо с улицы крадут, продадут за границу в рабство, в Турцию куда-нибудь», — причитала бабуля, насмотревшись криминальных новостей, и мама, будучи почти в два раза моложе ее, только поддакивала, будто брюзжащая старушка. Вцепилась в меня мертвой хваткой — ни шагу дальше ее юбки. Брата, видите ли, они отпускали через год учиться в Москву, а меня нет! Эти запреты нервировали, и глубоко внутри я бунтовала, правда, вслух свое несогласие не высказывала, не принято у нас было перечить старшим. Я уже даже практически смирилась, что сидеть мне дома под их тотальным контролем ещё минимум пять лет.

— А ты куда пойдешь, когда “откинемся”, Мамон? — услышала я прокуренный баритон Петьки Селивёрстова с “козырных” последних парт, загаженных жевательной резинкой и исписанных скабрезными словечками.

Петька — хулиган и оболтус, сын местного криминального авторитета, который половину своей жизни провел на зоне. Петька очень гордился своим “крутым” папашей и постоянно использовал тюремный жаргон.

— На работу устроюсь, к Серёге Белому в гараж, — беспечно бросил Кирилл, раскачиваясь на стуле, закинув ноги на парту. — Маман хотела меня в техникум какой-то определить, но я сразу в отказ. Делать мне больше нечего — два года ещё тарабанить. Мне и школы хватило вот так, — ребром ладони он провел поперек горла.

— А Танюха твоя, слышал, в Москву уезжает. Батёк еёшний вроде местечко тёплое в каком-то инстике подшаманил.

— Пойдёт теперь по рукам баба, — покачивая головой, со знанием дела констатировал Санька Рошин, ещё один бездельник “с последних парт”.

— Э, полегче, вообще-то, это тёлка Мамона, — строго пресёк Петька.

— Да какая она мне тёлка... так... было пару раз, и то по пьяни, — сплюнул прямо на пол Кирилл, — пусть валит, туда ей и дорога.

— Ритка с параллельного про тебя спрашивала, может, с ней замутишь? Видал, какие у неё бидоны? Во, — Селивёрстов изобразил руками два огромных шара в районе груди, и пацаны громко загоготали.

— Не, Ритка стрёмная какая-то, ржет как лошадь, ещё и рыжая. Мне блондинки нравятся, — мечтательно протянул Мамонов.

— Как Танюха, что ли? — подколот Рошин.

— Сказал же — проехали! — замахнувшись сжатым кулаком, оборвал его Кирилл и вдруг замолчал, обернувшись в мою сторону.

Меня будто кипятком облили, сразу кинуло в жар, уши буквально полыхали. Я быстро отвернулась, уткнувшись в учебник.

— Я, может, с Рыжовой замучу. Да, Рыжова? Гулять вечером пойдём? — игривым тоном подкатил он.

Дыхание перехватило, и я, сгорбившись, ещё сильнее вжалась в стул. Надеюсь, они не заметили, что я подслушивала.

Я понимала, что это его предложение погулять – всего лишь стёб, но мне было приятно, что Кирилл назвал именно меня, а не какую-то другую девочку. Пробубнив в ответ что-то невнятное, я воздала хвалу небесам, когда прозвенел звонок, и одноклассники единым потоком, с громкими криками повалили в класс.

Весь урок я думала о его словах. “Мне блондинки нравятся”. Бред, бред, безумная идея, бабушка меня убьёт! Но мне так хотелось хоть немного понравиться Кириллу. Хоть самую чуточку. Хотелось, чтобы он наконец-то посмотрел на меня не как на зубрилку-одноклассницу, а как на девушку. Я действительно считала, что если первая сделаю какой-то шаг, это что-то изменит. Глупая влюбленная малолетка.

После уроков, отвязавшись от Ирки с Галькой под предлогом неотложных дел, я забежала в хозяйственный магазин и на последние деньги, отложенные с завтраков, купила две пачки “Блондекса”...

Санкт-Петербург, 2012 год, декабрь

— Александра, где вы летаете? Александрааа! — услышала я откуда-то издалека. Рядом стоял Ржавый и, помахивая ладонью перед моим лицом, с беспокойством заглядывал в глаза. Вокруг гремела музыка, и легкий морозец из открытого окна обжигал щёки.

— Простите, задумалась. Ох, ёлки! — выругалась я, когда тлеющий фильтр сигареты обжег пальцы. — Так на чем мы остановились?

— На вашем опыте окрашивания в блондинку, — подсказал Голубь.

— А, ну да. В общем, там ничего интересного. Я была уродливой блондинкой, было даже хуже, чем сейчас.

— Ну что вы такое говорите! — возмутился он. — Вы очень привлекательная девушка, и...

— Ах, вот ты где, я тебя везде ищу, Рыжова, — откуда-то из толпы материализовался Костя. — Ты представляешь, меня чуть в ментовку не уволокли... Э, здравствуйте, — осёкся он, заметив рядом начальство.

— Это Марат Игнатович... ну... ты в курсе, — смутившись, будто нас засекли за чем-то нехорошим, зачем-то представила я Голубя.

Повисла неловкая пауза.

— Я вынужден откланяться, — прервал тишину Ржавый, — спасибо вам, Александра, что составили мне компанию.

Произнеся это, он ретировался, покинув веранду, моментально смешавшись с толпой.

— Ничего себе, а ты времени даром не теряешь, — хмыкнул Костя, доставая сигарету. — Ну, так вот, когда я вышел из ресторана...

— Давай потом, Кость, хорошо? Я дико замерзла. И хватит травить организм, — забрав у него сигарету, я за руку потащила недоумевающего Линькова в помещение.

Рыжей шевелюры нигде не было видно. Мне стало немного грустно, сама не знаю почему. Костик рассказывал что-то, оживленно жестикулируя, но я слушала его вполуха, прокручивая в голове недавнюю беседу с Голубем.

Надо же, вот это фамилия! И он оказался очень интересным собеседником. А этот его горящий взгляд, случайные прикосновения... Вдоль позвоночника пробежал хоровод мурашек. Необычный получился вечер.

Так, Рыжова, о чем ты вообще думаешь? Он твой начальник, а ты для него... грязь из-под ногтей. Вот и всё. И вообще, все мужики обманщики, думающие только о себе. Все до единого, уж тебе ли это не знать.

Сразу после корпоративной вечеринки начались длинные праздничные выходные. На Новый Год мне абсолютно было некуда податься, друзей, кроме Костика, у меня в Питере не было, поэтому решено было отмечать праздник в кругу его товарищей ещё со студенческих времен. Лучше так, чем сидеть в одиночестве, обнявшись с бутылкой шампанского и смотреть новогодний "Огонёк".

Как-то мелькнула шальная мысль поехать в Н. и навестить мать, но эту идею я быстро отсекала. Не хотелось ворошить прошлое. Да и чувство гнетущей, липкой вины всё ещё не отпустило. Да теперь уже и не отпустит, наверное. И я до сих пор ее не простила... Вернее, я убеждала себя в обратном, внушала себе, что всё давно если и не забыто, то прочно запечатано в самом дальнем закоулке памяти. Нужно просто жить, идти дальше, оставив тяжёлый груз воспоминаний за спиной, нужно восстановить то, что разрушено. Но в то же время прекрасно понимала, насколько нелепы эти мысли, и как бы сильно я этого ни хотела, никогда больше не будет так, как прежде... ведь забыть такое невозможно.

Порой мне казалось, что я родилась для того, чтобы приносить людям несчастье. Мало того, что природа надо мной вволю пошутила, так ещё и фортуна показывала исключительно пятую точку. Мне тридцать один. Ни мужа, ни ребёнка. Самых дорогих и близких я потеряла, родная мать меня ненавидит, хоть и делает вид, что это не так. И во всём виновата одна я! Если бы не тот мой глупый поступок, родные мне люди остались бы живы... Если бы я не была тогда такой доверчивой и глупой. Если бы в ту ночь Кирилл Мамонов... Если бы. Если бы. Видимо, такова моя карма.

Иногда длинными вечерами новогодних каникул, я ненароком вспоминала Ржавого. Сама не знаю почему, но он никак не хотел уходить из мыслей.

Я вспоминала его голубые глаза, светлые-светлые, будто прозрачные. Вспоминала, как он запрокидывает голову, когда смеётся, так заразительно, что хочется хохотать вместе с ним. Его рыжеватые волоски, торчащие из расстёгнутой рубашки. Да даже дурацкий галстук с оленями так и стоял перед глазами.

Я давно вышла из того возраста, когда позволительно предаваться инфантильным фантазиям, но мне хотелось верить, что тогда он подсел ко мне не просто так, а потому что я ему понравилась. Ну, хоть чуть-чуть. Самую малость. Я же видела, как он меня рассматривал...

Вздыхнув, перевела взгляд на большое настенное зеркало. На меня смотрело маленькое существо в полосатой пижаме и рыжим облаком вместо волос.

— Рыжова, Рыжова. Нифига ты не повзрослела, — произнесла я вслух и кинула в отражение плюшевого мишку. — Ну ничего, куплю себе щенка и буду коротать старость с ним. А что: ест меньше, чем мужик, ещё и носки не разбрасывает. Вот Ной вечно... — осеклась.

Снова я о нём вспомнила. Ну почему нельзя стереть прошлое как старый ненужный файл? Щелчок "мышки" — и нет ничего. Ни разочарований, ни предательств, ни глупых ошибок. Закинуть в "корзину", удалить со всех дисков.

Отец, бабушка, мои шрамы на запястьях, Кирилл, Ной и...

Нет, прошлое никогда меня не покинет. Никогда.

Часть 7

Санкт - Петербург, 2013 год, январь

Новогодние выходные пролетели, как и положено выходным – очень быстро. Даже у меня, которая практически безвылазно просидела дома. Спасибо Косте, который не давал мне зачахнуть, ежедневно навещая и вытаскивая на прогулки. А ещё он буквально завалил меня сладостями.

— Ешь-ешь, Рыжова, у меня отец в кондитерке работает, у нас эти конфеты уже девать некуда. Присылает ящиками, хоть соли.

Так что пришла я на работу, раздобревшая на целых три кило, которые придется теперь мучительно скидывать не меньше месяца. За удовольствие нужно платить.

— Сейчас быстро на планёрку, а потом по кофейку? С конфетами, — подмигнул он, галантно открывая передо мной дверь конференц-зала.

— Ты точно решил превратить меня в бегемота, — улыбнулась я.

Хотя сегодня был не последний понедельник месяца, общая планёрка все же намечалась. Подвести итоги старого года и обсудить планы на новый.

Зайдя в кабинет, поймала себя на мысли, что ищу глазами Ржавого. Уже почти все собрались, но его место оставалось сиротливо пустым. Настроение сразу же испортилось. Сегодня я проснулась раньше обычного, чтобы погладить новое платье, купленное на праздничной распродаже, и даже накрашилась. А его нет...

Костя опять что-то болтал, но я слушала его рассеяно, вполуха, прислушиваясь к шагам в холле. Шаги Ржавого я уже научилась различать – он ступает легко, но уверенно. Не семенит, как коммерческий – вечно потеющий коротышка, и не чеканит шаг будто на плацу – как Давид из технического. Марат ходит плавно, даже грациозно, будто хищник.

— Здравствуйте, простите за опоздание, — раздалось у двери, и сердце, подпрыгнув, припустило галопом.

Бледно-розовая рубашка в сочетании с темным пиджаком невероятно ему шла. Он подстригся и посвежел, по-моему, даже загорел. К своему стыду почувствовала, что немного покраснела.

Я смотрела на него в упор, надеясь, что он меня заметит. И он заметил: его взгляд, слегка мазнув по присутствующим, остановился на мне чуть дольше положенного. Холодные льдинки, будто совсем ни одной эмоции, пустота. Слегка улыбнулась, в надежде увидеть хоть какую-то реакцию, но он не ответил на мою улыбку и отвел глаза. Настроение моментально испортилось, и я мысленно послала его к чёрту. Всё-таки он сноб! А я идиотка.

Еле дождавшись окончания мучительной летучки, пулей выбежала из конференц-зала, проигнорировав Костю с его кофе и сигаретами.

Ну вот как можно быть такой душой? Ничему меня жизнь не учит.

Наступает такое разочарование, когда ты нафантазируешь себе что-то относительно понравившегося человека, а он ни сном ни духом, и даже пальцем не шевелит, чтобы оправдать твои надежды. И не в нем разочарование – в себе. Потому что годы идут, а ума не прибавляется.

Так, без настроения, я просидела до конца рабочего дня, продолжая игнорировать Костю, ссылаясь на большую занятость, чем заметно его расстраивала.

Мне было приятно его внимание, но только вот никак не могла взять в толк: почему он так носится со мной, как с писаной торбой, хотя я тот ещё подарочек. Возможно, нас сближало то, что мы оба программисты, оба не совсем молоды и оба отчаянно одиноки. Мне казалось странным, что такой общительный и симпатичный Костя до сих пор не нашёл себе пассию.

Девчонкам из офиса он нравился, но он не принимал их флирт всерьез, отшучиваясь в своей обычной манере.

Я знала о том, что в прошлом он пережил какую-то любовную драму, но почему-то была уверена, что его проблемы ничто по сравнению с тем, что довелось пережить мне. О своей прошлой жизни я предпочитала молчать, как и он. И это, видимо, нас тоже сближало. Демоны прошлого.

Вдруг – за пятнадцать минут до конца рабочего дня – на рабочую почту пришло сообщение. Не подписано от кого, но с адреса нашей компании. Немало удивившись, кликнула "мышкой" по конверту:

“Александра, это Марат Игнатович. Зайдите ко мне перед уходом, будьте любезны”.

Снова ощутила бешеное биение сердца. Он хочет меня видеть! Но что ему нужно? Может, на вечеринке я что-то сделала не то, и он решил меня уволить?

— Рыжова, может, в пиццерию забежим и по пивку? – из-за монитора показалась взъерошенная голова Кости.

Сколько я его знаю, его прическа всегда выглядит так, будто он только что встал с постели.

— Ты это... у входа меня подожди, хорошо? — попросила рассеянно я, накидывая пальто и заматывая шарф.

— А ты куда это?

— Любопытной Варваре сам знаешь что. Жди, я скоро, — выключив компьютер и прихватив сумку, выбежала из офиса.

Переведя дыхание у двери с вывеской “Голубь М.И”, заглянула в приемную. Место секретарши пустовало. Пройдя мимо ее стола, тихонько постучала в дверь кабинета начальника и, не дождавшись ответа, робко заглянула:

— Марат Игнатович, вызывали?

— Да-да, прошу вас, — ответил Ржавый, не отрывая взгляд от монитора.

Войдя, я аккуратно прикрыла за собой дверь. Он что-то печатал, а я стояла напротив, переминаясь с ноги на ногу и совершенно не понимая, что же здесь делаю.

— Присаживайтесь, — кивнул он на кожаное кресло напротив, и я приземлилась на краешек.

Чувствовала я себя неуютно. Одно дело общаться подшофе, в неформальной обстановке, когда он в галстук с оленями, и совсем другое, сидеть вот так, напротив, в его кабинете. Ещё острее ощутила, как глупы были мысли относительно того, что я ему приглянулась тогда на вечеринке.

Мне было жарко в зимнем пальто, ситуация раздражала, но я послушно сидела, дожидаясь, когда же он наконец прояснит, зачем я здесь.

— Простите, отвечал на важное письмо, — сказал Голубь и, захлопнув ноутбук, уставился мне прямо в глаза.

Вдруг, совершенно неожиданно, широко улыбнулся, чем ошарашил ещё больше.

— Александра...

— Марат Игнатович...

Произнесли мы одновременно и немного смутились.

— Александра, я... хотел бы извиниться за тот вечер в ресторане. Я немного выпил, плюс в зале было очень душно, возможно, я вёл себя не очень корректно...

— Нет-нет, что вы. Вы вели себя очень прилично, — поторопилась уверить его я, — в отличие от меня, наверное. Но вы правы, там было так душно...

— Да, очень душно, — утвердительно закивал он.

Повисла неловкая пауза. Я кусала губу и теребила бахрому своего вязаного шарфа.

— Эмм... это всё? Я могу идти?

— А... ну, в общем, да, идите, конечно. Конец рабочего дня, у вас, должно быть, куча планов.

— Видели бы вы эту кучу... — пробубнила я.

— Что, простите? — округлил глаза он.

— Я... имею в виду, что мне совершенно некуда торопиться. Я живу одна в съемной квартире, никто меня не ждёт. У меня даже собаки нет. Ну, там, чтобы кормить её, выгуливать, причёсывать, или... что там делают с собаками... Господи, что я несу, — закрыв лицо ладонью, почувствовала, как залилась пурпурной краской.

Я услышала, как он рассмеялся, и всю скованность как рукой сняло. Я даже выдохнула от облегчения. Вот вечно я так: когда волнуюсь — несу всякую несвязную чушь.

— Вы знаете, у меня тоже никогда не было собаки, и я тоже понятия не имею, что там с ними нужно делать, — с улыбкой произнес он. — Значит, вы никуда не спешите?

— Нет, никуда.

— Может быть, в таком случае вы не откажетесь составить мне компанию и поужинать в одном очень милом ресторанчике?

— Ну... да... почему бы и нет, — улыбнулась, не веря собственным ушам.

— Тогда подождите у входа, хорошо? Мне нужно здесь кое-что закончить.

— Может, у парковки?

— Замечательно, ещё лучше. Я скоро.

Выйдя из кабинета, я продолжала переваривать услышанное.

Что всё это значит? Зачем он пригласил меня в ресторан? Почему именно меня? Нет, я была рада, конечно, но всё это так неожиданно...

Выйдя на улицу, у входа увидела перетаптывающегося Костю, согревающего дыханием ладони. Его шапку-ушанку засыпало снегом, было чертовски холодно.

— Ну наконец-то! Я себе тут всё отморозил, ты где пропадала?! Я передумал, не пиво, а что-нибудь покрепче.

— Кость, ты это... езжай домой. У меня появились кое-какие планы.

— Что за планы? — удивился он. — Двадцать минут назад...

— Иди, Кость, говорю же тебе. Потом расскажу, — подталкивая его в спину в сторону автобусной остановки, теряла терпение я.

Мне совершенно не хотелось, чтобы Костя увидел нас вместе с Голубем. Линьков, конечно, не сплетник, но как пить дать устроит допрос с пристрастием. А мне пока что даже нечего ему ответить. Я сама не знаю, что за чертовщина происходит.

Кое-как проводив горе-товарища домой, я, утопая в навалившем в одночасье глубоком снегу, пошла в сторону автомобильной парковки.

Ржавый появился через несколько минут, и мы, погрузившись в тёплый салон его BMW, помчались по Невскому в неизвестном направлении.

Часть 8

Ресторан был маленьким и довольно дорогим. С претензией на домашний уют – даже камин присутствовал. Но мне в нем не было уютно.

Заняв уединенный столик у окна, мы, как два школьника на первом свидании, с наигранным энтузиазмом уставились в меню. Я не видела, что там написано, я незаметно подсматривала за ним и размышляла, что же это значит. Разумеется, во всем этом есть какой-то подвох. Вот только какой? Зачем он позвал меня сюда?

Может, он хочет меня расположить, чтобы я стучала на кого-то из сотрудников? Или ему ещё что-то нужно? Но от меня пользы, как от козла молока. Не секса же он со мной хочет, в конце концов! Даже смешно стало от подобных крамольных мыслей.

После его утреннего взгляда на планёрке, ледяного, будто бездушного, я запретила себе думать о нем в каком-либо ином ключе, кроме как о начальнике. Он твой босс. Точка. А то, что сердце при виде него бьётся, словно пойманная птица в клетке – это всё ерунда. Перебешусь, не впервой.

— Белого, да? — услышала я голос Ржавого и вздрогнула.

Возле столика с блокнотом в руках стоял молодой официант, и они оба выжидательно уставились на меня.

В недоумении я в ответ уставилась на Марата Игнатовича.

— Вино. Я заказал белое, вы не против? — повторил он, и я согласно кивнула.

Принесли какой-то салат со сложным названием, но мне кусок в горло не лез, зато вино я поглощала с завидным аппетитом. Голубь пытался поддерживать разговор, но сегодня собеседник из меня был так себе. Я действительно не могла понять, какого чёрта мы здесь делаем.

— Хороший ресторан, правда? — спросил он, отправив в рот подцепленную на вилку креветку.

— Да, здесь... мило, — согласилась, окидывая взглядом помещение. — Но если честно, мне ближе забегаловки попроще. Что-то типа "Картошки" или КФС. Это же расточительство – отваливать по восемьсот рублей за две былинки салатного листа, и три штуки за всего лишь одну бутылку вина.

Ржавый заразительно, как умеет только он, захохотал, и паутинка мелких морщинок снова окружила его небесно-голубые глаза.

— Ну а что такого я сказала? Извините, но я столько не зарабатываю!

— То есть вы хотите сказать, что наша компания вам мало платит? — не прекращая улыбаться, с деланным возмущением спросил он.

— Не мало. Но можно и побольше, — без обиняков ответила я. — Извините ещё раз, но мне кажется, что подобные заведения посещают одни снобы.

— То есть теперь вы хотите сказать, что я сноб?

— Я ничего не хочу сказать, так как дорожу своим рабочим местом. И вообще, вы хоть раз бывали в "Картошке", например? Там подают отличные бургеры, а пиво после восьми с десятипроцентной скидкой.

Он снова рассмеялся, закрыв лицо ладонью.

— Вы просто чудо, Александра!

— Простите?

— А покажите мне вашу "Картошку", — вдруг предложил он.

— Вы серьёзно? — округлила глаза.

— Более чем. Почему бы не попробовать что-то другое? Люблю эксперименты, — он положил на стол несколько купюр и поднялся с места, потирая ладони: — Идёмте, Александра, идёмте.

Я абсолютно ничего не понимала, но идея уйти из этого пафосного заведения в привычную для меня среду мне определенно понравилась.

Была не была. Не я это предложила.

В спорт-баре “Бочонок” было не протолкнуться.

В основном заведение было заполнено студентами и разнорабочими мелких контор. Я специально выбрала это место – сотрудники нашей компании в такие забегаловки не ходят, Костя живёт в другом районе, так что столкнуться с ним здесь – шанс, практически равный нулю.

Мне тут нравилось. Никогда не скучно, недорого, и очень просто затеряться в толпе.

Вырвав практически с боем единственный освободившийся столик в виде бочки, мы с Ржавым приземлились на деревянные лавки, бросив рядом верхнюю одежду. Было очень шумно, транслировали футбольный матч, и толпа оголтелых фанатов за соседним столиком поливала игроков на чём свет стоит, абсолютно не стесняясь в выражениях. По обрывкам фраз я поняла, что играют «наши» с «теми кривоногими».

В воздухе витал запах пива, сигарет, картошки-фри и чеснока.

— Ну как вам? Уверена, что ничего подобного вы раньше не видели, — перекикивая шум голосов и рёв из огромной плазмы, обратилась я к Голубю.

— Заблуждаетесь, Александра. Не поверите, но когда-то я тоже был студентом, — скидывая пиджак и подворачивая рукава рубашки, произнес он. — Ну что, где ваше хвалёное пиво со скидкой?

Мы просидели в “Бочонке” до самого закрытия, и это был поистине прекрасный вечер.

Мы болтали, перебивая друг друга, травя разные байки и хохоча до упаду. Я сильно захмелела, и мне уже не казалась странной наша встреча тире свидание. Ну и что, что он мой босс, а я его подчинённая, какая разница, главное, нам интересно вдвоём, к чёрту условности.

Мне было весело, легко, рядом с ним я не думала о плохом, не вспоминала прошлое. За одно это мне хотелось сказать ему спасибо.

Выйдя в числе последних из бара, мы шатающейся походкой направились к его автомобилю, припаркованному за углом.

— Вы знаете, мне кажется, садиться за руль сейчас не самая лучшая идея, — задумался он, остановившись у припорошенного снегом BMW. — Вы далеко живёте?

— На Заводской.

— Так это же совсем рядом! Я просто обязан вас проводить. Может, немного прогуляемся? — предложил Ржавый, обаятельно улыбаясь.

Крупные снежинки, кружась, невесомо ложились на его волосы и плечи. Протянув ладонь, он не оставил мне выбора.

— А давайте! — с легкостью согласилась я и взяла его под руку. Тесно прижавшись друг к другу, мы пошли по ночному проспекту.

Часть 9

— Проходите, проходите. Отказ не принимается, — открыла я дверь в свою маленькую квартирку. — Только по очереди, здесь тесно. Выпьете чаю, согреетесь и через час будете как огурчик.

— Не хочется доставлять вам неудобства... Но вы правы. Если честно, я жутко замёрз, — стряхнув с плеч капли подтаявшего снега, Ржавый снял пальто.

Торопливо размотав длинный шарф и скинув обувь, забежала в единственную жилую комнату, которая служила мне одновременно гостиной, спальней и кабинетом, и, щёлкнув выключателем, принялась судорожно убирать раскиданные повсюду вещи.

— Извините, я не ждала гостей, — убирая с дивана пижаму и поправляя покрывало, смущенно пробормотала я. — Ко мне вообще редко кто заходит. Костик иногда, а больше я в Питере никого не знаю. Вы присаживайтесь, — указала на старенькую продавленную тахту. — Пойду чайник поставлю.

— Костик – это ваш друг? — услышала из соседней комнаты, наливая воду из-под крана.

— Да, друг. В смысле, действительно друг. Мы дружим, а не... ну вы поняли. Вы его знаете, Линьков Костя, он тоже работает у Малиновского, — занесла в комнату две пустые чашки, вазочку со слегка засохшим печеньем и остатками «линьковских» конфет и присела рядом с ним.

— Если честно, что-то не припоминаю такого.

— А говорили, что изучаете резюме каждого своего сотрудника, — не удержалась-таки от шпильки.

— Я немного соврал. Я изучил только ваше, — пристально глядя честными глазами, он перестал улыбаться.

— А почему... только моё? — пролепетала, сразу же смутившись.

— Потому что вы мне понравились, Александра, — серьёзно произнес он и взял меня за руку.

Прикосновение его теплой ладони словно обожгло, заставив чуть вздрогнуть от переизбытка нахлынувших эмоций. Я не успела ничего понять, проанализировать, как вдруг он придвинулся ближе и потянулся к моим губам. В этот момент противно засвистел чайник.

— Я... я сейчас. Там... чайник, — пробормотала, запинаясь, и на ватных ногах побрела в кухню.

Облокотившись о стол, я никак не могла прийти в себя. Кружилась голова, тело сотрясала мелкая дрожь. То ли от алкоголя, то ли от его неожиданного признания. Ну, конечно, виновато второе!

Мне показалось, или он действительно хотел меня поцеловать?

Мы пьяны, в этом всё дело! Тряхнув головой, провела рукой по волосам. Налив воды, осушила стакан целиком, понемногу обретая способность мыслить четко.

Конечно, виноват алкоголь! Напился, напоил меня и решил воспользоваться ситуацией. Самый обычный мужик с самыми примитивными потребностями. Записала его чуть ли не в небожители, дурочка, а он такой же как все. Сейчас пойду в комнату и укажу ему на дверь. С меня хватило в жизни испытаний, быть очередной игрушкой я не намерена. Услышав скрип половицы, заметно вздрогнула и обернулась. Голубь стоял в дверном проёме, облокотившись плечом о косяк.

— С вами всё в порядке? Вы так быстро убежали.

— Да... нет. Да то есть. Голова чуть закружилась. Уже прошло, — отвернувшись, чтобы не смотреть на его манящие губы, полезла в шкаф за чаем, неосторожно задев коробку с рафинадом. Кубики хаотично посыпались на стол.

Какая же ты неуклюжая! Соберись!

Раздражённо собирая в горсть сахар и засовывая его обратно в коробку, проклинала себя на чем свет стоит.

Ну что ты как девчонка, ей-богу! Будто никогда не целовалась с мужчиной, да тут даже не было никакого поцелуя, а ты уже дрожишь как осиновый лист.

— Вы какой будете ча... — ощутив его руки на своей талии, я осеклась. Он стоял сзади, преграждая мне путь к отступлению. Тут же почувствовала его чуть влажные губы на своей шее.

Зарылся лицом в волосы, жадно вдохнул. Прижавшись сильнее, вероломно исследовал руками мое вмиг обмякшее тело, оставляя от прикосновений обжигающие дорожки. Непроизвольно, сама того не желая, закрыла глаза, откинув голову ему на грудь. Руки и ноги стали ватными, а низ живота предательски сжался в тугий ком.

У меня не было мужчины целый год, и я соскучилась по нежности, мне хотелось вновь почувствовать себя желанной. Почувствовать себя женщиной. Но ведь я давала себе слово, клялась больше никогда не верить мужчинам, почему же сейчас веду себя как тряпка?

— Послушайте... — слабо сопротивляясь, хрипло произнесла я, но он, не дав договорить, резко меня развернул и, закрыв рот поцелуем, прижал к стене. С грохотом полетели на пол поварёшки, прихватки и полотенца. Нехотя оторвавшись от ласк, он окинул расфокусированным взглядом творившийся бардак и, молча подхватив меня на руки, понес в комнату.

В ту ночь я всё-таки нарушила свою клятву.

На следующий день я летела на работу словно на крыльях. Я радовалась выпавшему снегу, хмурым лицам в метро, я готова была расцеловать каждого встречного, подарив ему кусочек своего счастья.

Мне было немного страшно от того, как быстро это всё началось, и что так же быстро всё может закончиться. Я ужасно боялась, но в то же время была ужасно счастлива. Мы провели прекрасную ночь, он ушёл под утро, так и не попив чай.

Я чувствовала, что ледышка внутри меня, там, где у других находится сердце, начинает потихоньку таять. Мне хотелось верить словам, которые он шептал, его жарким поцелуям. Я устала быть обманутой и одинокой. Мне хотелось начать дышать полной грудью и позволить себе быть счастливой.

Встретив его у лифта, я чуть не оглохла от биения сердца, улыбка так и расплылась от уха до уха. Он как всегда безукоризнен, в сером костюме и галстук в тон. Я еле сдерживала себя, чтобы не подбежать и не обнять его что есть силы, но понимала, что сейчас этого делать нельзя.

Казалось, что он меня совсем не замечает, болтая с коллегами и не устаивая даже взглядом мою сгорающую от шквала эмоций персону.

Зайдя в лифт, встала позади него практически впритык. Вдыхала его аромат, разглядывала затылок, мочки ушей и шею, которую я целовала всего лишь несколько часов назад. А теперь стою здесь, и будто бы не было ничего...

Мне очень хотелось похулиганить, ущипнув его за пятую точку пока никто не видит, или что-нибудь в этом духе, но, во-первых, у меня бы на подобное смелости никогда не хватило, а во-вторых, мы всё-таки находились в людном месте. Да и вообще, может, он уже пожалел о случившемся... Эта мысль неприятно царапнула. Если судить по его каменному лицу, так оно и было. Прекрасное настроение как ветром сдуло, даже слезы подступили.

Выходя, он обернулся и официальным тоном попросил зайти к нему в кабинет. На негнущихся ногах я поплелась следом, совершенно не зная, чего ожидать.

Закрыв дверь на ключ, он, ничего не говоря, как голодный зверь набросился с поцелуями, снова и снова вознося мою израненную душу на седьмое небо.

— Тебе пора, иначе это будет выглядеть слишком подозрительно, — прошептал он, и мы как школьники захихикали. — Юбку поправь. И убери эту улыбку, она выдаст нас с потрохами.

— Увидимся после работы? — зачесывая волосы ладонью, спросила я.

— Да, думаю, увидимся. Иди. Иначе ты останешься тут надолго.

С самым серьёзным лицом я вышла из кабинета и столкнулась в приемной с Мадам, которая даже обернулась, провожая любопытным взглядом.

Неужели я так плохо шифруюсь?

— Что это с тобой? — вместо приветствия первым делом спросил Костя.

— А что со мной? — поинтересовалась, силясь скрыть дурацкую улыбку и распухшие губы.

— Не знаю. Какая-то ты... довольная.

— Недовольная – плохо, довольная – тоже плохо. Тебя не поймёшь. И вообще, не отвлекай, у меня работы много, — отмахнулась, сев за компьютер, демонстративно уткнувшись в клавиатуру.

Я была счастлива, и мне не хотелось отвечать ни на какие дурацкие вопросы. Даже Косте. Даже самой себе. Пусть будет как будет.

Вот так просто, меньше чем за сутки я умудрилась по уши влюбиться.

Следующие две недели мы встречались почти каждый день.

Выходили порознь с работы, чтобы никто из сотрудников не догадался – слухи нам были ни к чему. Да, в какой-то степени мне хотелось, чтобы о нашем романе узнали все, — особенно женщины нашей компании, — но Марат был крайне осторожен.

Да, Марат, не Ржавый – дурацкие прозвища в прошлом. Он – мой любимый мужчина.

— Ты же знаешь устав нашей фирмы – никаких интрижек на рабочем месте. Это может плохо сказаться на моей карьере. Да и на твоей тоже. Уверен, тебя ждет большое будущее, — напоминал он ежедневно, как бы между прочим.

Я слабо в это верила, выше штатного программиста мне не суждено было прыгнуть, но я принимала его условия. В конце концов, он был прав. Расстраивал только тот факт, что Мадам теперь прислуживала Марату, став его личной секретаршей. Приходилось быть ещё аккуратнее, потому что эта дамочка следила в оба за всем происходящим в "ФАКе"

Машину он предусмотрительно ставил теперь не на стоянке для сотрудников, а за углом здания на платной – так было безопаснее, и вероятность того, что кто-то из коллег мог заметить меня, садящуюся в авто начальника, была сведена к минимуму.

Эта скрытность подстегивала, придавая некую перчинку отношениям, но в то же время расстраивала. Ведем себя как любовники, вечно прячемся от кого-то, замечаем следы. Как-то это было... неправильно. Внутри копался червячок сомнений, но я была настолько счастлива рядом с ним, что моментально обо всем забывала. Знают о нашем романе люди, не знают – разве есть разница?

Сценарий наших свиданий тоже был примитивно прост: мы катались немного по городу, потом ужинали в каком-нибудь неприметном заведении, а затем ехали ко мне. После полуночи он неизменно уезжал. Я не просила его остаться, но тонко об этом намекала. Но либо настолько тонко, что он не понимал мои намеки, либо понимал и просто игнорировал.

Не было у нас прогулок под луной, охапок цветов, билетов в кино на последний ряд, и вообще не было какой-либо романтики. Зато было кое-что другое. У нас была невероятная химия. Прежде никогда мне не приходилось испытывать ничего подобного.

Похвастаться огромным опытом на любовном фронте я не могла, но Марат определённо был самым лучшим любовником в моей жизни. Он был страстным, горячим и совершенно

неутомимым. Рядом с ним я раскрывалась как женщина и, выжатая как лимон после близости, готова была смотреть сквозь пальцы и на отсутствие романтики, и на его скрытность. Его нежелание говорить о себе меня тоже немного настораживало. Нет, он рассказывал что-то о своем детстве, студенческом прошлом, но почему-то упорно избегал разговоров о настоящем.

“Ничего интересного: дом — работа, работа — дом. Ты”.

На мой вопрос, заданный в первый же день – есть ли у него кто-то, он ответил лаконичное: «Все сложно». Ну, а у кого сейчас просто, подумала я и прекратила задавать вопросы. Я не лезла ему под кожу, боясь спугнуть напором. Я влюбилась как кошка.

Часть 10

Город Н., 1997, май

Близился последний звонок.

Я уверенно шла на золотую медаль, единственная в этом выпуске, и все учителя возлагали на меня большие надежды, мечтая украсить школьную доску почета ещё одним отличником.

Не скажу, что получить красную корочку аттестата было самоцелью, скорее, это было что-то само собой разумеющееся, выбитое на подкорке. Я очень хорошо училась, любой предмет давался мне необычайно легко: я запросто выводила сложные химические формулы, чертила параллелограммы, учила стихотворения и без ошибок писала изложения.

Я где-то читала (а читала я очень много!), что серые клетки передаются генетически, но мои родители, положа руку на сердце, были средних умственных способностей, брат вообще лоботряс, а бабушка по папиной линии даже не окончила девять классов. В сорок первом, когда началась война, ей было двенадцать лет, и, чтобы не угодить под безжалостный каток геноцида, она с родными была вынуждена бросить всё и бежать из оккупированной нацистами Варшавы. То, что моя бабушка еврейка – долгое время было тайной за семью печатями, почему-то она этого очень стыдилась и строго-настрого запрещала об этом кому-либо распространяться.

Единственным действительно умным человеком в нашей родне был брат отца – дядя Жора, он же Гоша, он же Гога – шутили мы внутри семьи. Такой же огненно-рыжий как и папа, но в остальном полная его противоположность. Дядя Жора жил в Москве, работал в НИИ, вечно писал какие-то диссертации, ездил за границу, а однажды его даже показывали по телевизору, когда вручали какую-то важную награду за вклад в развитие науки. Бабушка очень им гордилась, постоянно хвасталась перед соседками очередными достижениями и при каждом удобном случае сравнивала дядю с отцом, только и слышали от нее: «а вот Жора мой, а вот Жора бы». Не знаю, по какой причине, но мама его сильно недолюбливала, слышать ничего о нем не хотела, пресекая любые упоминания даже просто его имени, поэтому дядя Жора был несчастным гостем в нашем доме. Все считали, что мне переданся дядюшкин генетический код, и я не знала, радоваться мне этому или плакать. Возможно, будь я разгильдяйкой и двоечницей, жизнь сложилась бы иначе... Но она сложилась как сложилась, поэтому дело оставалось за малым – сдать выпускные экзамены, но я так усердно к ним готовилась, что была уверена, что всё пройдет без сучка и задоринки.

Две пачки “Блондекса” лежали нетронутыми в письменном столе, спрятанные за горой учебников. Если бабуля увидит, я получу нагоняй, какого свет не видывал, а мне очень не хотелось ссориться с близкими. Вернее, я вообще с ними никогда не ссорилась и не шла наперекор. Но, даже не смотря на то, что мой бунт против устоявшихся в семье правил грозил обернуться настоящей катастрофой, идею перекраситься в блондинку я не оставила. Я изменюсь, кардинально, и Кирилл обязательно меня заметит!

С волнением достала краску и в сотый раз повертела в руках. Послезавтра последний звонок, тогда-то я и решусь на этот шаг.

Двадцать пятого мая был прекрасный погожий день.

Облачившись в школьную форму и кружевной фартук, повязав пышными бантами две пока ещё рыжие косы, я отправилась на линейку.

Стоя в одном ряду с до чёртиков надоевшими одноклассниками, выслушивая речь директрисы и шурясь от совсем уже по-летнему палящего солнца, я очень волновалась, но совсем не потому, что заканчиваю школу – она стояла мне поперек горла, а из-за того, что ожидалось

после этого официоза. Голова побаливала от нервного напряжения, даже ладони вспотели. Но это мой шанс. Или сегодня, или никогда.

Закрывшись после торжественной части в кабинете биологии и откупорив шампанское, Рощин разливал всем сладкое шипучее пойло по чайным чашкам.

— Свобода, товарищи! Наконец-то избавились от этой кабалы под названием школа! — запрыгнув на парту, проорал он.

— Урааа! — поддержал класс, и все принялись, расплескивая, чокаться кружками, залпом опрокидывая налитое.

Я как всегда сидела в стороне, на подоконнике у раскрытого окна, одиноко наблюдая за этим праздником жизни. Никто не обращал на меня абсолютно никакого внимания. Впрочем, как всегда.

— Так, все деньги сдали? Кто ещё не сдал — гоните. Сегодня в пять часов отправляемся на турбазу, автобус соберет всех у школы, — подняла над головой конверт с деньгами Абрамова — гиперответственная староста класса.

— Да все давно уже сдали, поехали уже за бухлом! — вмешался Селивёрстов, выдергивая у нее из рук конверт.

— Я не сдала. Вот, — я спрыгнула с подоконника и, подойдя, протянула Петьке две смятые купюры.

— Рыжова! Ты тоже, что ли, поедешь? — изумилась Абрамова. — Ну ваше, сегодня дождь с лягушками пойдёт.

Все дружно заржали.

— Да ладно вам, изверги, Рыжова что, не человек, что ли? Пусть съездит, посмотрит, как отрывается современная молодежь. Затусим сегодня, Рыжова? — задержался под воображаемую музыку Мамонов и, подойдя в танцевальных па, приобнял меня за талию.

Сердце будто в пятки упало и, кажется, совсем перестало биться. Залившись краской, я робко убрала его руку.

— Я подойду к пяти, — опустив голову, я пулей выскочила из кабинета. Через секунду оттуда раздался взрыв смеха. Ржут над серой мышью, забитой отличницей Рыжовой. Я слышала этот смех столько раз, но до сих пор не выработала иммунитет.

Мне было страшно, за все одиннадцать лет я ни разу не выбиралась никуда вместе с классом, но я должна была решиться на этот шаг. Это мой единственный шанс сблизиться с Кириллом и доказать всем, что я чего-то стою.

Прибежав домой и закрывшись в ванной, я дрожащими руками открыла коробку с краской. Тщательно изучив инструкцию, развела порошок и, недолго думая, нанесла голубоватую смесь на волосы. Назад дороги нет!

К счастью, сегодня был будний день, родители ещё не вернулись с работы, брат как всегда где-то шляется, а бабушка до вечера будет пропадать на даче, так что я была предоставлена самой себе. Если бы они только видели, что я сейчас делаю, такой бы шум подняли! Потом-то они увидят, конечно, но это же будет потом.

Выждав нужное количество времени, опустила голову под струю воды и, тщательно намыливая голову шампунем, принялась смывать реагент.

Проведя полотенцем по запотевшему зеркалу, я уставилась на свое отражение и не узнала сама себя: волосы из ярко-рыжих превратились в бледно-желтые. Местами пряди не прокрасились, и медные проплешины выглядывали то тут, то там. Это был мой первый опыт окрашивания, и я понятия не имела, как должно быть, но решив, что всё идёт по плану, взяла мамин фен.

В сухом виде волосы выглядели уже лучше: непрокрашенные куски стали менее заметны, и хоть платиновой блондинкой я не стала, все равно была безумно довольна результатом. Мне казалось, что я кардинально преобразилась, и, конечно же, в лучшую сторону. Наконец-то я

избавилась от этих ненавистных рыжих волос! Столько лет я мечтала об этом! Да, оттенок немного желтоватый, но самое главное, что не рыжий.

Зачесав пережженную шевелюру в высокий хвост, я сделала то, чего не делала до этого никогда – я решила накраситься. Своей косметики у меня, конечно, не было, и я, недолго думая, решила воспользоваться мамиными запасами.

Черная тканевая косметичка стояла на тумбочке трюмо, сколько я себя помнила, она всегда там находилась, но раньше не представляла для меня никакого интереса. Я видела, как красится мама, и примерно знала, что там к чему. Разберусь как-нибудь.

Неумело повоевав с тушью, кое-как наредила ресницы, но решив, что этого мало, добавила на веки голубых теней. Подумав ещё немного, неуверенными движениями, огромной, чуть растрёпанной кисточкой, нанесла на скулы румяна. Придирчиво изучив свое отражение, осталась полностью довольна увиденным. Вот, совсем другое дело! Я больше не была похожа на себя прежнюю, на меня смотрела другая девушка, гораздо более симпатичная и уверенная в себе. Надев любимую голубую футболку и заграничные джинсы-клеш – подарок дяди Жоры, осталась от себя в полном восторге. Глаза сияли лихорадочным блеском, на щеках проступил румянец.

Посмотрев на часы, ужаснулась – время поджигает, с минуты на минуту вернутся родители, в таком виде меня точно никуда не отпустят, и вместо турбазы с Кириллом меня ожидает скандал!

Наспех достав из комода блокнот и ручку, бегло черкнула записку: “Я на турбазе с классом, мы остаемся там с ночевкой. Не волнуйтесь”. Взяв сумку, тихо выскользнула из квартиры. Главное, не столкнуться с кем-нибудь из соседок возле подъезда, тогда новость о моем преображении долетит до родителей быстрее, чем я успею сесть в автобус.

Это был ещё один мой безумный поступок. Я ушла без спроса, ещё и с ночевкой! Впервые! Уму непостижимо! Даже боялась представить, как мне потом влетит. Мама начнет причитать и охать, что же теперь скажут соседи, у отца заиграют желваки, а бабушка возьмется за корвалол. Но в моей крови кипел адреналин, и всё мне тогда было нипочём.

Появившись к пяти часам у назначенного места, я произвела настоящий фурор.

Ещё только подходя к школе, увидела своих одноклассниц в коротких шортах и разноцветных футболках кислотных расцветок. Они сбились в плотную кучу, а заметив меня, притихли и без стеснения уставились во все глаза.

— Рыжова! Это ты, что ли? Да тебя прям не узнать! — ахнула Сысоева.

— Ага, ни дать ни взять – Мэрилин Монро, — поддержала Тимохина, и девчонки сдержанно захихикали.

— Гляньте, она ещё и глаза наредила, — заметила Абрамова и, осматривая с ног до головы, с видом знатока обошла меня, словно совершая круг почета.

— Наверное, Саша решила соблазнить кого-то из наших мальчишек. Можешь поделиться, мы никому, — доверительно подмигнула Сысоева, и девчонки дружно закивали, показывая своё одобрение.

Я смущённо улыбалась, в душе желая расцарапать лица этим двуличным курицам. Как же они мне все надоели! Если бы не Кирилл, ноги бы моей тут не было, но объект моего вожделения был здесь: в темных джинсах и светлой майке он стоял поодаль в кругу мальчишек, не обращая на меня абсолютно никакого внимания.

Но это пока. Уверена, что как только он меня заметит, то по достоинству оценит преобразование. Ведь я пошла на это только ради него, стала блондинкой, как ему нравится!

Я покорно ждала хотя бы его молчаливого одобрения, но он будто специально меня в упор не замечал. Демонстративно повернувшись спиной, он так и стоял, будто прирос к месту,

заставляя меня дергаться и нервничать. То и дело поправляя то волосы, то футболку, я сверлила взглядом его затылок, мысленно умоляя обернуться.

Ирина Борисовна – молоденькая русичка, только в прошлом году окончившая институт, и Дмитрий Васильевич – сорокалетний холостой физрук, стояли в сторонке и мило беседовали. Только слепой не видел, что этот прохвост на что-то рассчитывает, явно подкатывая к вчерашней студентке. Эта парочка должна была присматривать за нами на турбазе, но, похоже, присматривать нужно было за ними самими, настолько явным был их флирт. Русичка хохотала, жеманно закатывая глаза, а физрук, как павлин, распушивший хвост, буквально атаковал ее своим навязчивым вниманием.

К школе подъехал старенький пазик, и все неорганизованной гурьбой кинулись занимать лучшие места. Я топталась на месте в надежде, что Кирилл меня наконец увидит, но он так и не взглянул в мою сторону: обняв за талию Журавлёву из параллельного, галантно помог забраться той в автобус. Та самая Журавлева. Красавица-блондинка, которой было откровенно наплевать на Кирилла, и это видели все, кроме него самого. Конечно, я понимала, что он в ней нашёл, но меня злило и возмущало то, что он тратил время на неё, не замечая никого вокруг. Не замечая, как смотрю на него я!

Я ехала на одиночном переднем сидении сразу за водителем и смотрела на пролетающие за окном посадки. Самые бойкие заняли места в хвосте и уже «без палева» распивали водку, перелив ее в бутылки из-под лимонада, подкрасив апельсиновым Юпи. Журавлева расселась на коленях у Кирилла, они о чём-то шептались, воркуя прямо как голубки, доводя меня этим самым до порога отчаяния. Я периодически оглядывалась на них, надеясь, что тоже делаю это без палева.

На ее месте должна быть я! Я влюблена в него уже несколько лет, а не она, ей вообще на него наплевать! Все в школе знали, что Журавлёва флиртует с каждым встречным, только вот Кирилл все равно бегал за ней преданной собачкой. Свет клином на ней сошёлся, что ли!

Аккуратно смахнула набежавшие слёзы и отвернулась. Нельзя реветь на глазах у всех, да ещё и тушь растечется, та ещё буду красotka. Ну ничего, пусть воркуют, на турбазе всё обязательно изменится.

Но увы, на турбазе ничего не изменилось.

Едва причалив на место, все, сбившись в группы по интересам, сразу разбежались кто куда, и я снова осталась одна. Ира с Галей отдыхать не поехали – их родители непустили, поэтому "веселиться" я должна была в гордом одиночестве.

Кирилл и Таня, выйдя из автобуса, взявшись за руки, направились куда-то в сторону леса. И меньше всего мне хотелось думать, зачем они туда пошли. Меня он так и не увидел. А может, и увидел, но не обратил должного внимания. Не знаю, чего именно я ждала: «вау, Рыжова, какая ты красotka, будь моей!» — это бы в идеале, конечно, но я понимала, что это из разряда несбыточного, но хотя бы одарить оценивающим взглядом он мог. Все мои старания были тщетны, эта Журавлёва его будто загипнотизировала.

Устроившись в беседке у реки, присев на деревянную лавку и обняв колени руками, я наблюдала, как девчонки плескаются в еще не успевшей прогреться на майском солнце воде. Они визжали и хохотали, радуясь прекрасному, уже практически летнему, дню. Радуюсь окончанию школы. Меня же не радовало ничего. Кирилла не было, стало быть, и моё нахождение здесь теряло всякий смысл.

Он появился, когда на поселок опустились густые сумерки. Увидев вдалеке неясный силуэт, выходящий из леса, я сразу же узнала в нём Кирилла. Хотя лица видно не было, но его походку я ни с чьей не перепутаю.

Журавлевой рядом с ним не было, зато в его руках я заметила початую бутылку водки: он нетвердой походкой приближался к костру, отпивая алкоголь прямо из горла. Он был чем-

то сильно расстроен, даже разозлѐн, пристально наблюдая за ним несколько лет, я до мелочей изучила его повадки.

Я была счастлива, что он появился, хоть и так поздно, и всеми силами старалась не думать о том, где он был, что делал, и куда подевалась его пассия. Вариант, что она полезла купаться и внезапно утонула, меня бы вполне устроил. Я улыбнулась собственным мыслям и вздрогнула, заметив, что он, сделав крюк, обойдя компанию у костра, направился напрямик в мою сторону. Во рту моментально пересохло, и тело как будто окаменело, живот скрутил спазм. Я сидела на берегу реки совсем одна, не может быть ошибки – Кирилл идёт ко мне!

— Кто это тут? — заплетающимся языком спросил он и, подойдя ближе, чуть наклонился, подслеповато щурясь. — Рыжова? Это ты, что ли?

— Как видишь, — пролепетала чуть слышно, не зная при этом, куда деть глаза и руки.

Я столько ждала этого момента, столько раз представляла, и оказалась к нему абсолютно не готова.

— А я думаю: вроде ты, а вроде и нет. Тебя не узнать. Что это ты с собой сделала?

Я была уверена, что он сейчас развернется и уйдет, но вместо этого он, покачиваясь, сел рядом на траву.

— Тебе понравилось? — то ли ошалев от его близости, то ли устав от многолетнего молчания, осмелела я.

— Ну, слушай, да, ничего так, — одобрительно кивнув, открутил крышку от бутылки. — Будешь?

— Нет, спасибо, я не пью.

— А я вот пью, — чуть заплетаясь, сказал он и приложился к горлышку.

Впервые за столько лет мы оказались вдвоем, да ещё в такой обстановке. Я и Кирилл. Разве не об этом я мечтала? Разве не ради этого я сейчас здесь? Так почему сижу и веду себя как идиотка? Второго такого шанса может и не быть!

— А вообще, давай, — передумала я.

Искренне удивившись, он протянул мне бутылку, я сделала большой глоток и тут же зашлась в непрерывном удушающем кашле.

Горло обожгло огнем, никогда до этого я не пила ничего крепче глотка вина на праздники. Из глаз брызнули слёзы, задышала быстро-быстро, размахивая при этом руками у лица.

— Ты что, никогда водку не пила, что ли? — наблюдая за этой картиной, расхохотался Мамонов.

Я отрицательно помотала головой.

— Ну и правильно. Тогда закурить я тебе тоже не предлагаю, — чиркнув пластиковой зажигалкой, жадно затянулся.

В его словах не было насмешки или презрения, и мне показалось, что вот сейчас передо мной сидит настоящий Кирилл. Совсем не такой, каким он кажется остальным. Будто наконец снял маску крутого парня и предстал именно таким, какой он есть на самом деле: добрый и совсем не нахальный.

— А почему ты не идёшь к ним? — кивнула в сторону костра, у которого резвилась большая толпа.

— Не хочу. Надоели эти рожи, — нахмутив брови, сделал большой глоток, и я, сама от себя не ожидая, снова взяла у него бутылку и опять отхлебнула. В этот раз я почти не закашлялась. По телу моментально разлилось приятное тепло.

В воздухе витал запах дыма и жареного мяса, блики луны отражались в спокойной речной воде, а до ушей доносился отдаленный смех и нестройные трели цикад. Мы сидели бок о бок, передавая друг другу бутылку и отпивая из нее по очереди, все, как я и мечтала, подсматривая за ребятами во дворе. Нет, было даже лучше, чем в мечтах — мы находились с ним вдвоем. Не было ненавистной Журавлевой и придурков-пацанов из класса. Только я и он.

Я ждала, что он меня обнимет, но он просто сидел рядом, опустив голову, погруженный в свои мысли. Но я была рада и этому. Ещё вчера подобный вечер был за гранью моих самых смелых фантазий!

Алкоголь ударил в голову, я почувствовала, как быстро запьянела.

— А где Таня? — нарушила тишину я.

— Не знаю, — коротко отрезал он, смотря куда-то вдаль на водную гладь.

— Вы поссорились?

— В очередной раз. По пальцам можно посчитать дни, когда мы не ссорились. От баб одни проблемы! Пусть валит в свою Москву и трахается там со столичными мажорами, — зло сплюнул он, и я увидела, как напряглись его скулы и заиграли желваки. — Все знают, что она давно не целка, вся школа знает! Так какого черта ломаться и строить из себя неприступную Деву Марию?

— Она просто не любит тебя, Кирилл, — прошептала тихо-тихо, но он услышал.

— Чего говоришь? Не любит? — он повернулся ко мне и уставился прямо в глаза. — То есть их она любила и поэтому давала, а меня нет, и поэтому “выкуси, Мамонов”? И что такое любовь, кто знает? Может, ты знаешь, Рыжова, и расскажешь мне, что же такое эта твоя сраная любовь?

Он практически кричал. Я вжала голову в плечи, опасаясь его агрессивного тона.

— Извини, — смягчившись, произнес он и протянул бутылку. Мы молча выпили по глотку, и он снова закурил.

— Да, я знаю, что такое любовь, — набравшись смелости, проговорила четко и громко.

Выпуская дым, Мамонов удивлённо вскинул бровь, застыв в немом вопросе.

— Любовь – это когда ты не спишь ночами, потому что постоянно думаешь о нём, а если засыпаешь, то видишь во сне только его. Когда ты идёшь на уроки только ради того, чтобы встретиться с ним. Когда умом понимаешь, что вы никогда не будете вместе, а сердцу плевать, оно хочет верить в обратное.

— Вот как, — криво усмехнулся Кирилл, — и кто же этот герой твоих ночных грёз?

Я подняла на него взгляд, и улыбка постепенно сошла с его лица. Мы смотрели друг на друга, пристально, молча. В воздухе витало напряжение, окружив нас тугим кольцом, с каждой секундой сжимающимся все туже.

Вдруг совершенно неожиданно он обхватил ладонями мое лицо и, притянув ближе, поцеловал. Жадно, страстно, по-настоящему.

От него пахло водкой и табаком, а губы были влажными и холодными. Это был мой первый поцелуй, и он произошёл с парнем, которого я любила долгих четыре года... Стоит ли говорить, что я не только его не оттолкнула, а наоборот, прильнула, ощущая себя птенцом под его надежным большим крылом.

Его руки гуляли по моей спине, настойчиво пробираясь под футболку и кружевной бюстгальтер. Дотронувшись до груди, он испустил протяжный вздох и стиснул в объятиях ещё сильнее.

Я сама не поняла, как мы очутились в высоких зарослях камыша.

Навалившись сверху, он достаточно грубо положил меня на редкую сырую траву. Скорее даже не положил, а кинул. Не прекращая целовать, а на деле заталкивать язык глубже в рот, он проворно стянул с меня майку, а затем штаны. Услышав лязганье пряжки его ремня, на мгновение испугалась. Я представляла все совершенно не так! Это неправильно! Всё должно быть совсем иначе!

Ощувив прикосновение его прохладных бедер к коже моих ног, я поймала себя на мысли, что пора это прекратить, и даже попыталась его оттолкнуть, но потом ощутила резкую боль и поняла, что уже слишком поздно...

— Ты это... извини, если что не так... — проямлил он, застегивая ширинку на джинсах и надевая через голову толстовку. Избегая смотреть в глаза, торопливо натянул кроссовки. — Я... я сейчас вернусь, хорошо? Пойду принесу тебе плед, ты вся дрожишь. Там в палатке есть, я видел. Я... сейчас...

Через пару минут хруст веток от его быстрых шагов окончательно стих. Я сидела обнаженная на холодной земле, судорожно дрожала, прикрываясь своей тонкой, порванной по шву футболкой...

Я понимала, что сейчас произошло, и сгорала от стыда. Слезы душили, застряв царапающим комком поперек горла, но глаза оставались сухими. Что же я сейчас натворила! Господи, что натворила!

Сильно мутило. Я боялась, что сейчас меня стошнит прямо на голые ноги, но сил подняться не было, из меня будто вытащили скелет, оставив одну оболочку.

Сейчас вернётся Кирилл и принесёт одеяло. Сейчас...

Я сидела и, ёжась от холода, ждала его возвращения.

Он так и не пришел.

Часть 11

Санкт-Петербург, 2013 год, февраль

Отношения с Маратом длились уже месяц. Этот мужчина заполнил пустоту в моём сердце, оживил, казалось бы, уже давно выпотрошенную душу.

Я устала от одиночества, и мне так отчаянно хотелось быть любимой!

Месяц – не так уж и много, но для меня этот месяц был глотком свежего воздуха в моей пресной жизни. Я влюбилась, я порхала и не замечала ничего вокруг, в отличие от Кости. Он-то сразу заметил произошедшие во мне изменения, как внешние, так и внутренние, и с особой тщательностью допытывался, кто же этот мужчина, который так запросто сумел вскружить мне голову. Я лишь загадочно улыбалась, отвечая, что это не его дело. Но Костя, видимо, думал иначе.

Утром четырнадцатого февраля я проснулась в отличном настроении, наконец-то этот праздник и для меня стал не пустым звуком. Скользя взглядом по коробочке в виде сердца, улыбнулась: вчера я пробежала мимо ювелирного в торговом центре, и совершенно случайно на глаза попались прекрасные запонки от Рикардо Понти, и пусть их цена кусалась – на эту сумму я могла бы безбедно прожить целый месяц – но более идеальный подарок представить было сложно: черный оникс, обрамленный каймой из белого золота, с крошечным бриллиантом по центру. Не могла налюбоваться этой красотой!

Вообще, мне никогда не нравились подобные праздники, все эти плюшевые зайцы, сердечки и ангелочки вызывали только раздражение, а улыбочивые парочки в метро приводили в уныние. Но это было раньше, с взрослой угрюмой Рыжовой, которая привыкла к одиночеству и пощечинам судьбы. Сегодня же я ощущала себя подростком, у которого будущее словно чистый лист, а прошлое осталось где-то совсем далеко, в пыльных закоулках памяти, возвращаться к которым совсем не хотелось.

Может быть, этот год принесет мне наконец долгожданное счастье?

С этими радостными мыслями я ехала на работу, ловя себя на том, что продолжаю глупо улыбаться, глядя в заиндевшее окно маршрутки.

Забежав в бизнес-центр, отряхивая по пути налипший снег, я в последнюю секунду протиснулась в переполненный лифт, размышляя, под каким бы предлогом наведаться в кабинет к Голубю и вручить с такой любовью выбранный презент.

А может, лучше вечером? Нет, до вечера я точно не дотерплю!

Краем глаза заглянула в приоткрытую сумку: красная бархатная коробочка в фирменном пакете Понти дожидалась своего часа. Я уже представляла, как надену на него эти запонки, а потом сниму... вместе с рубашкой. Сердце застучало чаще, а в животе будто стая бабочек вспорхнула. Так было всегда, стоило только подумать о Марате.

Расстёгивая по пути куртку и разматывая длинный шарф, забежала в офис и, добравшись до своего рабочего места, буквально застыла: Костя, сгорбившись, сидел за моим компьютером, просматривая мою почту.

— Какого хрена?.. – выругалась, отобрав у него беспроводную мышку и закрыв браузер.

Манипуляция заняла всего пару секунд, но я успела заметить, что забыла вчера удалить сообщения от Марата, и как раз таки их читал Костя. Вот черт!

— Кто-то вчера перепил и перепутал своё место с моим?

— Ты хоть понимаешь, что ты творишь? – громким шепотом прошипел Костя и посмотрел по сторонам.

Остальные сотрудники готовились к началу рабочего дня и не обращали на нас совершенно никакого внимания. Все давно привыкли, что мы постоянно шушукаемся, и даже пере-

стали отпускать шутки по поводу нашей дружбы, смирившись, что «тили-тесто, жених и невеста» — явно не о нас.

— Я не понимаю, о чем ты, — немного нервно бросила я и, подойдя к гардеробу, рывком скинула куртку. Попытка повесить ее на плечики провалилась, и, разозлившись, просто бросила несчастную парку в шкаф. Немного переигрывая с невозмутимостью, как будто ни в чем не бывало вернулась к Линькову.

— Бог мой, Рыжова, прекрати строить из себя дурочку, все ты понимаешь! Я о твоих... — он ещё раз огляделся и понизил тон, — я о твоих шашнях с Голубем. Ты в своём уме?

— Во-первых, какой херасимы ты лазил по моей почте, а во-вторых, моя личная жизнь тебя не касается, понятно?

Ну вот, нагрубил. Так, соберись!

Вдох, выдох... Не позволяй этому недоразумению испортить твоё прекрасное настроение. Жаль, конечно, что Линьков обо всем узнал, но рано или поздно это все равно бы случилось, в конце концов, правда в любом случае когда-то откроется, шила в мешке не утаишь.

— Я бы не лез в твою жизнь, не будь он начальником. И в твой компьютер я заглянул ради твоего же блага. У меня давно появились подозрения, цветешь и пахнешь, в кабинет к нему без конца бегаешь. Ты не читала устав фирмы? Или забыла, с каким трудом тебе досталось это место?

— Да мне плевать, понятно? Класть я хотела на эту фирму с ее уставом! Поменяла не одну работу, попрощаюсь и с этой, если понадобится.

— Я думал, что тебе нравится у Малиновского... — растеряв свой пыл, то ли с упрёком, то ли с разочарованием произнес Костя.

— Кость, послушай, — я придвинула соседний стул и села рядом, — я влюбилась, понимаешь? — уже миролюбиво шепотом продолжила я, взяв его ладони в свои. — У меня просто крышу сносит, это что-то... что-то невероятное! Волшебное! Я как будто попала в сказку! Я даже рада, что ты наконец всё узнал, теперь я могу поделиться с тобой своим счастьем! А я самая-самая-самая счастливая!

— Подожди, то есть ты и Голубь... — медленно произнес Костя, как будто до него только что стало доходить.

— Ага, — быстро закивала и глупо хихикнула. — Помнишь вечеринку в "Моргане"? А потом ещё после праздничных выходных, в первый рабочий день я попросила тебя подождать меня на улице, мы тогда ещё в бар собирались, помнишь? Ты ещё замерз и сказал... Короче, не важно. У нас с Маратом роман, — выпалила я, смотря на Костю, ожидая реплик радости. Костя же смотрел с застывшим, будто каменным лицом. — Ну, Кость, ты чего? Ты не рад за меня, что ли?

Он медленно вытащил свои руки из моих ладоней и поднялся.

— Саш, Голубь женат. Не могу поверить, что тебе и на это плевать.

— Нет, этого не может быть. Ты что-то путаешь, — уверенно опровергла я, продолжая улыбаться. Но его слова словно камнем с размаху больно ударили по грудной клетке.

— Саш. Голубь. Женат. — Чеканя каждое слово, повторил Костя. — Странно, что ты до сих пор об этом не знаешь, учитывая, насколько вы... близки, — в его тоне послышались плохо скрываемые нотки неприязни.

Из меня будто выкачали воздух. Словно уменьшившись в размере, я сидела, затаив дыхание, пристально смотря на Линькова. И продолжала улыбаться. Улыбка прилипла к лицу, хотя в глазах предательски щипало.

— Нет, Кость, он не может быть женат. Он же... — осеклась, силясь подобрать нужное слово. — Он же со мной... Мы вместе. У нас роман!

— Спроси у него сама, если не веришь.

Достав смятую пачку сигарет из заднего кармана потертых джинс и лавируя между рабочими столами коллег, он вышел из офиса, а я осталась сидеть на том же месте, смотря на захлопнутую им дверь из матового стекла.

Марат женат.

Как-то сами собой все кусочки пазла встали на свои места. Это же так очевидно! Он женат! Почему, почему я не догадалась об этом раньше? Почему? Как можно быть настолько слепой?!

Вот так бывает, раз! – с глаз будто падают шоры, и ты начинаешь видеть мир таким, какой он есть на самом деле. Его скрытность, звонки "по работе" шепотом в соседней комнате, его желание ночевать только у себя дома...

Резко поднявшись, уронила сумку. Красная коробочка выпала и раскрылась: одна запонка, сверкнув бриллиантом, закатилась под стол. Мне хотелось растоптать эту коробочку, разбить стекляшки и выкинуть все к чертям собачьим в мусорное ведро, отправив туда же следом свою душу, покалеченную очередным ударом. Но вместо этого я встала на колени, нашла потерянную запонку и, смахнув пылинку, любовно отправила подарок на своё законное место.

Девять утра. Голубь уже пришел.

— Марат Игнатович, можно? – заглянув в кабинет без стука и приветствия, спросила я.

Гладко выбритый, с аккуратно зачесанными волосами, он сидел во главе своего рабочего стола и явно удивился, увидев меня в такой ранний час.

— Подождите за дверью, я занят, — официальным тоном отчеканил он и перевел взгляд на толстого лысеющего мужчину в сером костюме, сидящего по правую руку.

— Простите, но это очень срочно.

Неслыханная дерзость. Толстяк оторвался от бумаг и поднял на меня заплывшие глазки, пристально разглядывая поверх дорогих очков в тонкой золотой оправе.

— Рыжова, ты совсем с ума сошла? – услышала шипение Светочки и почувствовала, как меня буквально затаскивают в приемную за рукав платья. – Извините, — заглянув в кабинет, быстро буркнула Мадам и захлопнула дверь.

В руках она держала бумажный стакан кофе, горячие капли которого звонко стучали, отскакивая от ее стильных лодочек.

— Ай, все из-за тебя! – поставив стакан на стол, она принялась дуть на обожженную руку. — Совсем умом тронулась, у Марата Игнатовича важный посетитель!

— Когда он освободится?

Я не испытывала ни малейшего угрызения совести по поводу ее травм. Более того – подделом!

— А я откуда знаю? И впредь, для особенно недалёких: если меня нет на месте, заходить сюда нельзя! Теперь я его секретарша, все вопросы к начальству – строго через меня!

— Да пошла ты, — бросила я и, не оборачиваясь, вышла из приемной в холл бизнес-центра.

— Чокнутая. Деревенщина! – услышала вслед.

Да и плевать, что там кудахчет эта пергидрольная истеричка, мне нужно увидеть Марата. Сейчас!

Смахнув с кожаного дивана оставленный кем-то каталог, я, сжимая в руках красную коробочку, принялась терпеливо ждать у дверей кабинета.

Часть 12

Город Н. 1997 год, июнь

Больно. Очень больно.

Я лежала, свернувшись калачиком на незастеленной кровати, в сотый раз обводя глазами витиеватый рисунок на настенном ковре.

В детстве я часто болела и, неделями валяясь с температурой, от нечего делать часами могла разглядывать причудливые завитушки, представляя, что это волшебный мир невиданных зверей, таящихся то в страшном лесу, то в замке короля, то в подземелье. Отчетливо различала волка в кустах, заячьи уши и даже трехглавого дракона. Сейчас же я видела перед собой потёртые уродливые закорючки. Детство кончилось.

— Сашенька, может, всё-таки чайку? С ромашкой. Я оладий напекла, – немного приоткрыв дверь комнаты, с надеждой спросила бабуля.

Несколько седых локонов трогательно выбились из-под убранных в пучок волос. В глазах – тревога. Я видела, как сильно переживают родные мое подавленное состояние, особенно бабушка, но ничего не могла с собой поделать: делать вид, что ничего не случилось, я тоже не могла.

— Спасибо, ба, не хочу, — вяло поблагодарила, через силу выдавив слабую улыбку.

— Я оставлю здесь, может, позже покушаешь. Нельзя так, Саша, нельзя! Так и заболеть недолго! Совсем исхудала, вон, глазюки одни остались, — причитая, поставила поднос на письменный стол.

По комнате разнёсся аромат свежее испечённых оладий. Раньше я их так любила, с чаем и медом или вишнёвым вареньем. Воспоминания вызвали приступ тошноты.

— Забери, ба, я не буду, — попросила, уткнувшись лицом в подушку.

— Саша, доченька, расскажи, что случилось, совсем мы с отцом извелись.

Я ощутила прикосновение теплой сухой ладони на своем плече, и мне очень захотелось сбросить ее руку, но через силу сдержалась.

— Прошу тебя – иди! Я не хочу есть, и чай не хочу. Ничего не случилось, дайте мне просто побыть одной!

— Тогда хоть окно открой, темно как в подвале, совсем дышать нечем.

Подойдя к окну, она резко отодвинула плотно закрытые ночные шторы, впуская в комнату солнечные лучи. Свет больно ударил по глазам, и я, зажмурившись, накрылась с головой одеялом.

— Я просила тебя это делать? Почему нельзя просто оставить меня в покое? Я так много хочу? Почему вы все вечно меня достаете, поучаете, лезете в мою жизнь? Уходи отсюда, и чай свой дурацкий забери!

Резко скинув одеяло и поднявшись, я схватила поднос и, расплескивая чай, всучила его бабушке, довольно грубо выпроводив из комнаты.

Закрывшись на расшатанный шпингалет, по стеночке сползла на пол. Кружилась голова. Стайки мелких, хаотично суетящихся мошек, как залпы салюта промелькнули перед глазами. Я не помнила, когда ела в последний раз, когда выходила на свежий воздух. Не надо было так резко вставать, так и в обморок упасть недолго.

— Опять ничего не взяла? – услышала за закрытой дверью приглушённый голос матери.

— Ничего. Прогнала, чуть ли не взашей выкинула, — всхлипнула бабушка. — Накапай-ка мне, Тамара, корвалола, что-то сердце опять прихватило.

— Нужно что-то делать, — всегда мягкий и спокойный тон отца приобрел тревожные нотки. — Тома, позвони одноклассникам, узнай, что там случилось у них на этой турбазе.

— Да звонила я, Серёжа! Абрамовой Лере, Ане Сысоевой – молчат как партизаны. Ничего не видели и не слышали.

— Ну как ничего не видели? Девчонка ни жива ни мертва вернулась. Белая как полотно. Может, мальчик какой обидел... Ой, ой, ой, Тамара, не приведи Бог, — запричитала бабушка, характерно постукивая баночкой сердечных капель о край стакана.

— Я завтра на заводе с Ольгой Мамоновой поговорю, ее сын, Коля, по-моему, с нашей Сашкой в одном классе учится, может, он что знает, — воодушевился отец.

«Кирилл, папа» — мысленно поправила я и горько усмехнулась. «Поговори, посмотрим, что он расскажет».

Отойдя от двери, задержала взгляд на своем отражении в большом настенном зеркале.

На меня смотрело тощее привидение в мятой белой ночнушке. Огромные круги под глазами, веснушки на бледном лице выделялись особенно ярко, как будто капли крови на снегу. Волосы растрёпаны: рыжие корни уже пробились, уродуя грязно-желтую паклю. Я не причёсывалась, не ела, не гуляла. Затворник. Призрак. Я была им всегда, но сейчас стала не только еще острее себя им чувствовать, но и выглядеть.

Месяц назад Кирилл Мамонов разбил мою жизнь. Растоптал чувства, надругался над телом.

Так и не дождавшись его тогда, я, ёжась от холода, пришла к общему костру, а он, равнодушно единожды мазнув взглядом, переключил свое внимание на появившуюся Журавлёву. Ничего не сказал он и наутро, когда мы все вместе возвращались домой на автобусе. Он просто сделал вид, что ничего этой ночью не было. Он смеялся и радовался жизни, тогда как я в ту ночь умерла. Тепличный ребенок, выросший под крылом мамы и бабушки, оставшийся со своим позором один на один. Признаться родным в произошедшем означало убить их.

Я не помню, как сдавала экзамены, отвечая что-то на автомате, так же на автомате принимая поздравления и забирая свою медаль. Мне было абсолютно все равно, что будет со мной дальше, и едва получив аттестат, я закрылась дома и впала в затяжную депрессию.

Санкт-Петербург, 2013 год, февраль

— ...да-да, я буду ждать вашего звонка, Федор Михайлович, — вздрогнула я, услышав голос Голубя.

Он в сопровождении важного гостя вышел из кабинета, мужчины пожали друг другу руки, затем посетитель направился к лифту, а Марат будто ненароком оказался возле меня.

Дождавшись, когда металлические двери сомкнутся за мясистой спиной «серого пиджака», Голубь огляделся по сторонам и, убедившись, что рядом нет посторонних глаз, за предплечье поднял меня с дивана и довольно грубо затащил в кабинет.

— Ты с ума сошла? Мы же договаривались – никаких спонтанных визитов! Вот чувствую: не ровен час – подведёшь меня под монастырь, – громким шепотом прошипел он, закрывая за собой дверь.

— Мне нужно с тобой серьезно поговорить, — проговорила уверенно и четко, всеми силами стараясь сохранять спокойствие.

— Саша, ради всего святого, мы же сотню раз обсуждали, в какое время ко мне можно приходить и как это нужно делать! А если бы Светлана что-то заподозрила? Пришлось под каким-то нелепым предлогом отправить ее в бухгалтерию, чтобы поговорить без свидетелей, — уже более спокойным тоном продолжил он и, взяв меня за талию, притянул ближе. — Ладно, извини, что набросился. Ночь практически не спал, да и утро выдалось тяжёлым.

— Почему ты не сказал, что женат? — глядя прямо ему в глаза, без предисловий выпалила я.

Внутри теплилась надежда, что он сейчас рассмеётся и скажет, что это неправда. Но он не рассмеялся. Вместо этого он убрал руки и, немного смутившись, взял с кофейного столика бутылку воды.

— Ты не спрашивала.

— Спрашивала! – повысила голос, теряя контроль. – Я задавала вопрос, свободен ли ты, ты ответил, что все сложно.

— Но это так и есть!

— Ты женат! Какое, к чертям собачьим, «сложно»? Разве не об этом ты должен был сказать в первую очередь, прежде чем лезть в мою кровать? – теперь я уже действительно кричала.

Он быстро подошёл к двери, открыл и, выглянув наружу, снова ее захлопнул.

— Успокойся! – немного встряхнув за плечи, он с силой усадил меня в кожаное офисное кресло. – Мы взрослые люди, ни к чему закатывать сцены. Особенно здесь, особенно так громко. Нас могут услышать!

— Ты издеваешься? Тебя волнует только долбаная конспирация и больше ничего! Я бы ни за что не закрутила с тобой роман, зная, что ты несвободен.

— Я не собирался крутить с тобой роман.

— Что? — я попыталась встать, но он положил руку на мое плечо, не давая тем самым пошевелиться. – То есть ты просто хотел один раз со мной переспать, а потом выкинуть как ненужную вещь?

— Я вообще не собирался спать с тобой! — раздражённо выпалил он и, открыв выдвижной ящик стола, достал золотистый портсигар. — Я знал, что когда-нибудь этот разговор всё-таки случится, — выбив одну сигарету, прикурил от настольной зажигалки в виде чернильницы.

Я смотрела на него округлившимися глазами, понимая, что запуталась окончательно.

— А зачем тогда... Зачем ты вообще пригласил меня в ресторан? Зачем это всё было нужно?

— Я... не знаю, — совершенно искренне пожал плечами и, затягиваясь, начал медленно мерить шагами кабинет. — Идея пригласить тебя поужинать возникла совершенно внезапно. Тогда, на вечеринке в «Моргане», ты показалась мне... необычной. Просто понравилась как человек, и я подумал, что было бы неплохо нам снова встретиться, посидеть где-нибудь, выпить, в этом же нет ничего такого... Клянусь, у меня и в мыслях не было...

— Врешь! Ты с самого начала знал, что трахнешь меня! — перебила, не дослушав это нелепое враньё.

— Не с самого, — уточнил он, и мне захотелось влить ему пощечину.

Вдруг поймала себя на мысли, что больше не испытываю жалости к себе, только злость. Злость на него! Глаза метали молнии, хотелось встать и поколотить его как следует.

— Ладно, хорошо, — затушив окурок, сдался он. — Да, я захотел тебя как женщину, но просто на уровне инстинктов, совершенно не рассчитывая заходить так далеко. Я действительно думал, что мы поужинаем и разойдемся. Но потом ты напоила меня пивом в той забегаловке...

— Значит, это я виновата в твоей супружеской неверности? — вспыхнула, буквально задыхаясь от негодования.

— Мы оба виноваты. То есть... — он вздохнул и, встав на колени возле моих ног, положил ладони на мои обтянутые черным нейлоном бедра. — Я знаю, что выставлю себя не в самом лучшем свете, заводя отношения на стороне. Я грязный подонок, изменник, гореть мне в аду... но видит Бог, я этого не планировал. Мой брак никогда не был идеальным и уже давно висит на волоске. Вечные напряжения с женой, ссоры, скандалы, я так устал от этого всего, и тут появляешься ты, и у меня буквально сносит крышу! Если раньше я не рассчитывал ни на что

серьезное, то сейчас не хочу отпускать тебя. И не отпущу! Ты просто сводишь меня с ума, и ты теперь моя, понятно? — он протянул руку, намереваясь провести по моей щеке, но я перехватила его ладонь и, оттолкнув, встала.

— Хватит! Не хочу ничего слушать! Твои оправдания звучат настолько жалко... Ты просто обязан был сразу рассказать о жене.

— И что бы это изменило?

— Всё! Это изменило бы всё! Я не встречаюсь с несвободными мужчинами, с меня хватило прошлых ошибок.

— Как сцена из дешёвой мелодрамы, ей-богу... — он поднялся и попытался меня остановить, но я уже нервно дёрнула ручку двери, и та никак не хотела поддаваться.

— Без этого дверь не откроется, — на вытянутой руке Марат двумя пальцами держал маленький ключ. Он улыбался. Создалось ощущение, что вся эта ситуация его только забавляет. У меня только что рухнула жизнь, а ему смешно.

Внезапно я растеряла весь свой боевой настрой. Вновь чувство злости уступило место жалости к себе.

— Открой, пожалуйста, дверь, мне нужно работать... — прошептала, отворачиваясь, чтобы он не видел навернувшихся слёз.

— Ну-ну, ты чего? — поменявшись в лице, Голубь подошел ближе и попытался обнять, но я тут же отстранилась.

— Мой брак ничего не меняет, пойми. Жена это... просто жена. Мы много лет вместе, чувства давно угасли...

— ...и ты решил подкинуть дровишек в тлеющее пепелище, найдя наивную дурачку для развлечений, — закончила за него и горько усмехнулась. — Опять на те же грабли, жизнь ничему меня не учит.

— Прошу тебя, давай встретимся вечером, поговорим обо всем в спокойной обстановке. Дай мне шанс просто всё объяснить! — проникновенно заглядывая в глаза, сложил руки в умоляюще жесте.

Закусив губу, на долю секунды заколебалась. Выглядел он настолько искренне, что я уже была готова поддаться... Но...

— Нет. Открой дверь, мне надо идти работать.

— Один разговор. Пожалуйста, — он не отрываясь смотрел таким взглядом, что ещё вчера я бы непременно растаяла. Но не сейчас. Хватит быть тряпкой!

— Дай мне пройти, — не смотря на него, сквозь зубы процедила я.

Он протянул ключ. Вставив его в замочную скважину и повернув два раза, обернулась. — Это тебе, — положив в его ладонь красную коробочку, вышла из кабинета.

Секретарша, отложив пилку для ногтей, удивлённым взглядом проводила мою стремительно удаляющуюся фигуру.

Мир снова рухнул. Уже в который раз за мою гребаную жизнь. Меня снова предали, снова обманули. Судьба удивительным образом идёт по спирали, по одному и тому же сценарию. А может, карма здесь ни при чем, и я одна во всём виновата? Сколько раз говорила себе, что нужно быть умнее, нужно усваивать уроки, быть более жёсткой, но как? Как? Если так хочется быть любимой, найти достойного мужчину и обрести, наконец, своё собственное счастье, не отнимая его у других!

Почему именно я? На мне где-то написано: бей меня, я всё стерплю?

Забежав в офис, я, не глядя на Костю, быстро села, спрятавшись за монитор. Я не держала на него зла и даже была благодарна за то, что он открыл мне глаза, но сейчас не хотела никого видеть.

«Прости, я не хочу тебя терять», — прочитала всплывшее окно сообщения в углу монитора.

«Удалить сообщение? Заблокировать пользователя?» — запросила бездушная программа, и оба раза я нажала утвердительно.

Вот было бы и в жизни так просто, раз! – и удалить из памяти ненужный файл под названием «Несчастливая любовь».

Хотя, любовь ли? С моей стороны – да, я имела глупость впустить этого человека в свое сердце. Дура!

Взгляд упал на маленькую открытку, прикрепленную к лотку для хранения бумаг. Два серебристых голубка, мило воркующих где-то на площади в Венеции. Я купила ее в переходе, тогда мне показался забавным символизм. Резко сорвав картинку, яростно ее смяла и отправила в корзину для бумаг. Ненавижу голубей! Ненавижу!

Еще утром я летала от счастья, планируя дальнейшую жизнь исключительно в ярких красках, а сейчас мне снова по крупицам нужно собирать свое в очередной раз разбитое сердце.

Часть 13

Город Н., 1997 год, июль

— На, возьми, — озираясь по сторонам, Галька плюхнулась рядом на лавочку и кинула в мою сумку продолговатую коробку.

— Спасибо, я... сама бы не смогла...

— Да ладно, меня в этом районе все равно никто не знает, — беспечно махнула рукой подруга и открыла шоколадный брикет. — Будешь?

— Нет, спасибо, — от одного лишь вида шоколада мне стало дурно.

Ярко светило солнце, мы сидели на скамейке в парке и смотрели на мерно покачивающихся на гладкой поверхности озера уток.

— А это точно не приколы? — многозначительно кивнула на сумку Галя, с аппетитом откусывая мороженое.

— Если бы, — невесело усмехнулась я. — Только, пожалуйста — никому, как договаривались.

— Ну, конечно, я же не стукачка, — обиделась подруга. — Но... когда, как? И, самое главное, кто? Расскажи!

Глаза горели в предвкушении детальных подробностей, чуть ли руки не потирала.

— Надеюсь, это не Борин? — подозрительно нахмурилась Лаврова.

Я мысленно обрадовалась, что Борин — тайная любовь Гальки из параллельного класса — тут ни при чём. Она за своё даже в драку кинется — Галька такая. Вроде скромная, но, как говорится, в тихом омуте...

— Галь, давай потом, ладно? Плохо себя чувствую, — поднялась, повесив сумку на плечо. — Я пойду.

— Ну давай, — нехотя согласилась она.

Борясь с головокружением, медленно побрела по тропинке к автобусной остановке.

— Са-а-ш!

— А? — обернулась я.

— Ну, тебе хоть понравилось? — Галька хихикнула и подмигнула.

— Пока, Галь!

— Обязательно потом расскажи! — услышала вслед.

Как бы я хотела вот так же сидеть на скамейке, болтать ногами и поедать пломбир на палочке. Легко и беззаботно.

Казалось, что все это осталось для меня в совсем далёком прошлом. Все мои терзания по поводу непризнанности среди одноклассников, проблемы неразделённой любви, ненавистные рыжие волосы и веснушки показались сейчас такой мелочью по сравнению с тем, что лежало сейчас в сумке. От этой маленькой коробочки зависела вся моя дальнейшая жизнь.

Забегав домой, отмахнувшись от бабушки с её блинами, я закрылась в ванной и, присев на край корзины для белья, дрожащими руками достала коробку. Совсем скоро всё разрешится.

Всё будет хорошо. Непременно. Все изменения в организме связаны с пережитым стрессом, а тошнота от нервного истощения. Ещё бы: целый месяц безвылазно сидеть дома, ничего не есть и не спать толком, такое кого хочешь доканает. Не нужно даже было ничего покупать. Да и не может быть такого после первого раза, я же читала в "CoolGirl".

Я даже практически выдохнула, впервые за последние две недели, но, опустив глаза на крошечный кусочек бумаги, мертвецки побледнела — тест показал две полоски.

Я беременна.

Санкт-Петербург, 2013 год, февраль

Дни тянулись невыносимо долго. Без Марата жизнь будто потеряла всякий смысл, превратившись в бесконечный день сурка. Мы не общались уже целую неделю. Не целовались, не трогали друг друга... Это было похоже на пытку!

Утром, после бессонных ночей, полных раздумий, я на автомате вставала и ехала на работу, и весь день как загнанный зверёк сидела на своем рабочем месте, со всех сторон обложившись кипой бумаг, дабы спрятаться от раздражающих коллег. И кто только придумал эти дурацкие офисы-муравейники?

Выходить из кабинета никуда не хотелось: даже перекус брала из дома или покупала хот-дог в забегаловке за углом, лишь бы не столкнуться где-нибудь в коридоре с источником своей душевной боли. И как назло, стоило только высунуть нос дальше офиса, так сразу же Голубь вырисовывался из-за какого-нибудь поворота.

Иногда я даже подумывала уволиться к чертям собачьим, лишь бы оградить себя от этих мучительных встреч. А иногда наоборот, хотела плюнуть на гордость и принципы, бросившись ему на шею. И пусть все увидят – гори всё синим пламенем!

И когда я только успела так сильно к нему привязаться?

Виновником всех бед я считала исключительно себя: нужно было хоть иногда снимать розовые очки и оглядываться по сторонам, замечая очевидное. Выходные он был всегда занят, ночи проводил только дома, телефон отключал, в общем, стандартные замашки человека, чье рыльце в пушку.

Временами думала о его жене, какая она... почему он изменял ей со мной... Но искать о ней какую-либо информацию я себе запретила, боясь сделать этим только больнее. Уверена, что его жена длинноногая красотка, уж точно не ровня мне.

Иногда я жалела, что не согласилась поговорить с ним тогда и обсудить сложившуюся ситуацию. Хотя что тут можно сказать? Как оправдать его поступок? Он женат – и даже не удосужился рассказать об этом! Неужели он на полном серьезе считал, что правда никогда не откроется, и я так и буду пребывать в наивном неведении? Нет, нам не о чем больше разговаривать! Его жена никуда не рассосётся, и если продолжать эти утопические отношения, то только в унижительном статусе любовников, на что я категорически не согласна. Это путь в никуда. Как бы ни было больно это признавать.

Костя, как верный товарищ, в очередной раз подставил плечо в трудную минуту. Он не осуждал и не учил жизни, за что я была ему безмерно благодарна. "Эх, Рыжова, Рыжова, и не живётся тебе спокойно. Четвертый десяток, а всё туда же, никак не уймёшься, всё ищешь приключений на пятую точку" — качал головой Линьков, в прямом и переносном смысле утирая мне слёзы.

Он просто рядом, не посягая на мои секреты, позволяя делиться только тем, что я сама считала нужным рассказать. В этом мы были похожи – Костя и сам оставался закрытой книгой. Этаким заводила с печальным взглядом. Верный друг, хороший человек, но почему-то как и я он был очень одинок. Что скрывалось в его душе, какую боль пришлось пережить ему в прошлом – этого я не знала и исповеди не требовала, считая, что всему свое время, и если он захочет, то сам обо всем расскажет.

Поставив перед собой цель непременно вытащить меня из депрессии, на сегодняшний вечер Костя запланировал просмотр какой-то дурацкой комедии. Мне было всё равно, лишь бы не оставаться одной.

Решив хоть как-то отвлечься до его прихода, надумала испечь пиццу, но, заглянув в духовку, поняла, что это была не самая лучшая моя идея: тесто подгорело, а начинка не пропеклась. Господи, если я даже с тестом не могу справиться, что тогда говорить о собственной жизни?

Открыв форточку и разгоняя едкий дым полотенцем, попыталась достать противень из недр духовки, но попытка увенчалась только ожогом на запястье.

— Вот черт! – выругалась, поставив руку под струю холодной воды.

Нужно позвонить Линькову, иначе мы рискуем остаться без ужина.

Только собралась отыскать среди хаоса завалившийся где-то телефон, как в дверь настойчиво позвонили.

— Что-то ты рано, я ждала тебя к восьми, — забрасывая мокрое полотенце на плечо, открыла дверь.

На пороге стоял Марат.

На опушке капюшона его черного пуховика блестели капли растаявшего снега, а рыжие волосы в свете коридорной лампочки обрамлял золотистый ареол, чем-то напоминающий нимб. Чёртов святоша. Но каким же он показался тогда красивым.

— Что тебе нужно? – скрестив руки на груди, строго поинтересовалась я.

— Мне кажется, что нам пора поговорить.

— Тебе кажется.

— Я могу войти? Просто здесь... не очень удобно, — скосил глаза на фигуру за спиной.

Грузная соседка из квартиры напротив, в огромной лисьей шапке и каракулевом пальто, поставив на пол большие пакеты из Ашана, нарочито медленно открывала входную дверь, наблюдая за развернувшейся перед взором сценой.

Немного подумав, сделала шаг назад, пропуская гостя в крошечный коридор.

— Я слушаю, — стараясь придать голосу более бесстрастный тон, я сверлила его взглядом, боясь выдать истинные чувства. Растянутые на коленях домашние штаны и застиранная футболка совсем не придавали уверенности. Вот сколько раз говорила себе: выкинь это барахло! Нет же, надо было надеть именно сегодня!

— Ты кого-то ждёшь? Извини, если помешал твоим планам.

— Ближе к делу: что тебе нужно? Мне казалось, что мы все сказали друг другу.

— Тебе казалось, — повторил он мои же слова и обезоруживающе улыбнулся. — Я разденусь, хорошо?

Ничего не ответив, я развернулась и зашла в комнату. Закусив губу, улыбалась как последняя дурочка, слушая, как щелкают застёжки его куртки.

Я была счастлива его видеть. Счастлива настолько, что хотелось заплакать. Если бы могла, то с удовольствием надавала бы себе по щекам за свое малодушие и мягкотелость.

Осталось только поднять передние лапки и лизнуть хозяину тапок. Браво, Рыжова, ненадолго же тебя хватило.

— Судя по аромату из кухни, ты точно кого-то ждёшь, — Марат зашёл в комнату и хозяйски опустился в кресло.

Так непривычно было видеть его в сером свитере с горлом и джинсах. Я знала наизусть все его деловые костюмы, но никогда не видела его таким домашним. Вот она – участь любовницы.

— Я готовила пиццу, — стерев улыбку, ответила я, стараясь держать марку обиженной женщины.

— Ты? Пиццу? Бог мой, Саша, в последний раз ты сожгла чайник, когда решила вскипятить воды, мне страшно представить, что там произошло с бедной пиццей. Судя по запаху, ничего хорошего, — он прикрыл рот ладонью, чтобы не рассмеяться. — Извини.

— Уверена, что твоя жена готовит лучше, и у нее ничего не пригорает, — не удержалась всё-таки от шпильки, о чём тут же пожалела. Ни к чему начинать разговор с сарказма. — Так зачем ты пришел? — поспешно сменила тему.

— Я соскучился, — просто ответил он, и мне захотелось раствориться в его словах. Всю мою спесь как рукой сняло. Я смотрела на него, не мигая и даже будто не дыша, не зная, что же предпринять.

— Иди ко мне, — протянул руки, приглашая к себе на колени. — Иди, я же вижу, что ты хочешь.

Я колебалась всего секунду, и вот уже сижу сверху, обвив его поясницу ногами, ощущая босыми ступнями мягкий кашемир дорогого свитера. Положив голову на его грудь, я вдыхала знакомый аромат, перебирая руками мягкие рыжие пряди. Я очень его любила, сама не понимая, за что... И я простила его. Простила, едва увидев на пороге своей квартиры.

Срывая по пути одежду, мы как-то добрались до разложенного дивана. Осыпая поцелуями мою обнаженную грудь, он нетерпеливо запустил руку в трусики. Трусики в разноцветный горошек. Когда же я выкину все эти тряпки и превращусь наконец в сексуальную женщину, оставив образ подростка-переростка в прошлом?

— Я так скучал по тебе, — прошептал он на ухо, избавляя от остатков одежды. Когда мы были готовы перейти к самому главному, раздался звонок в дверь.

— Это твой гость? — отстраняясь, хрипло спросил Марат.

— Похоже на то... — посмотрела на часы. Костя. Твою мать! Звонки стали ещё настойчивее и, похоже, не собирались прекращаться. — Придется открыть. Я сейчас, — подняв с пола сброшенную футболку, накинула ее на голое тело. Та едва прикрывала пятую точку, но тогда это меня мало волновало. Открыла входную дверь, на меня чуть ли не упал Костя.

— Рыжова, ты чего так долго открываешь? Я уже собирался дверь ломать!

— А ломать-то зачем?

— Да мало ли. Судя по состоянию последних дней, ты способна на что угодно. Кто знает, что придет в эту рыжую сумасбродную голову. На, держи, у тебя ж в холодильнике сто процентов мышь повесилась, — протянул пакет из продуктового, заходя в прихожую. — И хорошо, что только она...

— Спасибо, но... Кость, я это... не одна, — замялась, немного покраснев.

— Не одна? — переспросил он и только сейчас заметил, во что я одета.

Посмотрел на мои голые ноги, затем перевел взгляд на мужские ботинки у порога, потом снова на меня.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — резко развернувшись, уверенно покинул квартиру.

— Кость! Кость! Подожди! — босиком выбежала за ним на лестничную клетку, столкнувшись с той же соседкой, вознамерившейся выносить мусор на ночь глядя. Скривившись, она задержала презрительный взгляд на моих обнаженных бедрах. Ну вот, теперь все в доме будут думать, что я проститутка, принимающая мужиков табунами.

Звук торопливых шагов Кости становился все тише. Грохнула стальная подъездная дверь. Как же по-дурацки всё вышло! Игнорируя соседку, вернулась в дом.

— Кто это был? Я слышал мужской голос, — Голубь стоял у окна в одних джинсах и курил.

— Неужели ты ревнуешь? — улыбнулась, прильнув к его широкой теплой спине.

— Конечно. Узнаю — ему несдобровать, — шутливо пригрозил Марат. — Так кто мой конкурент?

— Тогда не скажу, иначе ты его уволишь.

Затушив окуроч, он обернулся и, подняв меня на руки, мягко опустил на диван.

— Мне очень тебя не хватало. Я думал о тебе каждый день, каждую ночь... Просто с ума сходил... — шептал он, целуя по очереди каждый мой пальчик. — А это что?

— Обожглась о духовку, пустяки, уже не болит.

— Я об этом... — провел пальцем по белым полоскам на запястье.

— А, это... Ошибки молодости. Тоже уже отболело, — я улыбнулась и обвила рукой его шею, убирая с глаз долой старые шрамы и плохие воспоминания.

Мне не хотелось думать сейчас о грустном. Я хотела совсем другого.

Часть 14

Город Н., 1997 год, июль

— Где Сашка? – услышала взволнованный голос матери из-за неплотно закрытой двери спальни.

Она тяжело дышала, будто только что преодолела марафон. Послышался лязг брошенных на журнальный столик ключей.

Взглянула на настенные часы – половина четвертого, что-то рано она вернулась, рабочий день ещё не закончен.

Сердце обречённо ёкнуло – она знает.

— В комнате у себя закрылась, где ж ей ещё быть. Как сыч сидит, — отозвалась бабушка с кухни, закрывая шумевшую воду. — А что случилось, Тамара?

Проигнорировав вопрос, мама уверенно зашагала в сторону моей комнаты. Я знала, о чем пойдет разговор и, приготовившись обороняться, внутренне сжалась.

Бесцеремонно зайдя в мою комнату и плотно закрыв за собой дверь, облокотилась о нее спиной, будто опасаясь, что я сбегу.

— Это правда? – вперила в меня взгляд, полный надежды, отчаяния и злобы. — Отвечай! То, что рассказала мать Гали – это правда?

Я сидела в углу кровати, подобрав к груди колени, и молчала. Все происходящее в последний месяц было настолько за гранью моей обыденной жизни, что я до сих пор испытывала шоковое состояние.

Чуть больше месяца назад мир перевернулся с ног на голову, а вчера просто рухнул и рассыпался колючими осколками прямо под ноги. Я не испытывала больше боли и страха. Только шок.

Я не питала больших иллюзий на счёт того, что Галька никому не разболтает про тест. Может, так даже лучше, сама бы я никогда не решилась начать этот разговор.

— Отвечай, кому я сказала! – голос матери перешёл на крик. — Это правда?

— Да, — честно ответила я, глядя ей прямо в глаза.

Скрывать было бессмысленно, все равно рано или поздно она бы обо всем узнала.

Мама издала звук, похожий то ли на всхлип, то ли на стон и взялась рукой за сердце.

— Маам, — испуганно дернулась я, но движением другой руки она приказала мне оставаться на месте.

Помассировав грудную клетку, мама медленно отошла от двери и осторожно, опираясь на подлокотник, опустилась в кресло. Повисла гробовая тишина. Я слышала только тиканье часов и стук собственного сердца.

Бабушка выключила телевизор, уверена, что сейчас она подслушивает у двери.

— Пожалуйста, скажи, что это ваш с Галей розыгрыш, — подняв на меня умоляющий взгляд, попросила мать.

Я молчала, опустил глаза, вжавшись спиной в разноцветный ковёр.

— И? Что? Что там? – теряя терпение, снова повысила она голос.

Я вылезла из своего убежища и, открыв ящик письменного стола, достала из тома Толстого «Война и мир» спрятанный тест. Так же, не произнося ни слова, положила его ей на колени.

Мама взяла тонкий кусочек бумаги в руки и, близоруко сощурившись, поднесла его ближе к глазам.

— И что это значит? Я не понимаю этих современных новомодных штучек, так ты... беременна или нет?

В этот момент открылась дверь, и в комнату буквально влетела возмущенная раскрасневшаяся бабушка.

— Да что ты такое говоришь-то, Тамара! Побойся Бога, она ребенок совсем!

— Мария Иосифовна, выйдите из комнаты, у нас с дочерью серьезный разговор! – приказным тоном указала на дверь мать.

— Сейчас Серёженька с работы вернётся и тогда...

— Выйдите. Из. Комнаты! – чеканя каждое слово, прокричала она, и бабушка, приговаривая что-то невнятное, обиженно вышла, оставив дверь приоткрытой. Мама, нервно ее захлопнув, защелкнула для верности шпингалет.

Мама не была чрезмерно злой или властной женщиной, но все решения в доме приходилось принимать ей самой. Отец с бабушкой были людьми слишком мягкими и нерешительными, с податливым характером, им проще было идти за кем-то, чем что-то решать самим. Я целиком и полностью пошла в их «породу», Рыжовых, как любила часто повторять мать, — "такая же бесхребетная".

— Я жду ответа! – прожигая взглядом, строго проговорила она.

— Да, я жду ребенка, — собрав всю волю в кулак и стараясь, чтобы голос не дрожал, подтвердила ее худшие опасения.

— О, Господи! Боже мой, Боже мой... — прикрыв рот ладонью, вполголоса запричитала мать и на подкосившихся ногах снова опустилась в кресло.

Я стояла напротив и молча смотрела на мать, до сих пор не осознавая, что это все происходит в действительности. Казалось, что сейчас я перевернусь на другой бок, проснусь и посмеюсь над нелепостью такого дурацкого сна. Это просто не может происходить со мной!

— Почему Галина мама в курсе твоих проблем, а я, твоя родная мать, последняя узнаю это буквально из-под палки?

— Галка должна была молчать, но разболтала, предательница. У нас был уговор...

— Кто он? Когда это произошло? – не дослушав, перебила она.

— Прости, но этого я не скажу.

Лицо матери буквально перекосило от такой неслыханной дерзости. Ее молчаливая дочь заговорила. И как заговорила!

Я и сама немного опешила от собственной смелости. Но это как-то приободрило, придало сил.

Вчера я испытала огромный шок, увидев две полоски на тесте, но у меня была целая ночь, чтобы хорошенько обо всем подумать. И я приняла решение, после которого стало немного легче.

Я не знала, что будет дальше, не знала, как отреагируют на это событие родители, поддержат ли меня или выгонят из дома взащей.

Репутация семьи была для матери превыше всего, и «что соседи скажут» — самым важным в жизни. Меня воспитывали, чтобы «соседи завидовали, какая девочка прилежная», я должна была учиться, чтобы «соседи ставили в пример своим детям», я должна была жить так, чтобы «перед соседями не было стыдно». Примерная семья, у которых все всегда хорошо, и тут словно взрыв бомбы такая сенсационная новость – несовершеннолетняя дочка Рыжовых принесла в подоле...

Я догадывалась, что просто мне не будет точно, не знала, ожидать ли мне поддержки хоть от кого-нибудь, мысли сумбурно путались, но твёрдо я была уверена только в двух вещах: что никогда и никому не расскажу, кто отец этого ребенка, и что ребенка я непременно оставлю.

— Что ты сказала? Повтори! — надеясь, что просто ослышалась, потребовала мать.

— Я ничего не скажу, — терпеливо повторила я, стойко выдерживая гнёт её тяжёлого взгляда.

— Да как ты разговариваешь с матерью?! – опешив от моих слов, закричала она. – Что значит не скажешь?

— Не скажу. Это не имеет никакого значения.

— Чтоо? – буквально взревела она. — Ты вообще в своём уме – говорить такое? Я узнаю, что моя дочь-школьница нагуляла живот, значит, вместо того, чтобы учиться, ты путалась неизвестно с кем! А, может, ты сама не знаешь, кто папаша?

— Мама! – с обидой прокричала я, и глаза наполнились слезами.

— А если знаешь, почему не скажешь? – не прекращала допытываться она.

— Потому что это не важно!

— Для кого не важно? Для тебя не важно? У тебя на носу поступление в ВУЗ, хорошая перспективная профессия в будущем. Вот о чем тебе сейчас нужно думать в первую очередь, а не бегать по консультациям и пелёнки потом стирать!

Её прищуренный, полный презрения взгляд буквально метал молнии. Никогда прежде я не видела её такой: злой, агрессивной, теряющей всякий контроль. Будто не мать вовсе, а совсем чужая, незнакомая мне женщина.

— Может, ты считаешь, что быть матерью-одиночкой большое счастье? — продолжила добивать она. — А потом ты захочешь выйти замуж, и кому ты будешь нужна с нагулянным по малолетству ребенком? Думаешь, нормальный парень примет тебя с распостёртыми объятиями? Нет! Порядочным мужчинам и женщина нужна порядочная! Или ты хочешь родить, а затем повесить эту обузу на наши с папой шеи? Нам ещё вас с братом поднимать, бабушка вечно болеет, на лекарства и квартплату работаем...

— Я тоже на работу устроюсь... — растеряв всю решительность, неуверенно прошептала я.

— Куда? На работу? Не смейся! Кто и где тебя ждёт? Образования нет, опыта никакого. На завод наш пойдешь уборщицей? С твоими мозгами тебе нужно учиться и ещё раз учиться, чтобы как отец... — она осеклась и на какое-то время замолчала, тяжело дыша, скосив глаза в пол, лишь бы только не смотреть на свою блудную дочь.

— Да ты шагу без маминой юбки никогда ступить не могла... и тут... такое. Боже мой. Боже мой! Когда, в какой момент мы тебя упустили... — причитала, покачивая головой, уткнувшись лицом в ладони. – В шестнадцать лет забеременеть неизвестно от кого... А... может, тебя... изнасиловали? – подняв заплаканные глаза, спросила как будто с надеждой.

— Никто меня не насиловал... — устало произнесла я и отвернулась к окну.

Ещё недавно было солнечно, сейчас же набежали черные тучи, грозясь обрушиться проливным дождём. Прямо картина моей жизни.

— Какой позор! Какой позор! Пришла беда, откуда не ждали. Что теперь скажут соседи?

— А тебя только и волнуют твои соседи, на меня плевать! Да тебе вообще на всех плевать! – прошипела сквозь зубы, глотая слёзы.

Вдруг правую щеку будто обожгло, лишь через некоторое время до меня дошло, что это была пощёчина. Сильная, с размаху, оставляющая пылающе-алый след.

— Будем считать, что я этого не слышала, — на удивление спокойно проговорила она и, одёргивая юбку, поднялась с кресла. – Завтра позвоню куда нужно.

— Куда нужно – это куда? – прижав ладонь к саднящей щеке, насторожилась я. – Учти, на аборт я не пойду. Даже не надейся.

— Тебя никто не спрашивает. Потом ещё спасибо скажешь, что не позволила тебе, дурочке, жизнь сломать.

Развернувшись, она подошла к двери и, открыв шпингалет, вышла из комнаты.

Взявшись ладонями за абсолютно плоский живот, я медленно села на край кровати, смотря в одну точку и прокручивая в голове её последние слова.

Слова, которые я буду часто вспоминать даже спустя долгие годы.

Часть 15

Санкт-Петербург, 2013 год, март

Наступила весна, но Питер этот факт упорно игнорировал.

Грязно-серые кучи утрамбованного снега «украшали» каждый двор: утром – противная мелкая морось, вечером – снегопад, ночью – заморозки. Чертыхаясь, приходилось пробираться от подъезда к остановке чуть ли не ползком, поскальзываясь на каждом шагу.

Люди, по самые уши завернувшись в шарфы, с унылыми лицами вяло сновали по нечищенным тротуарам, мечтая наконец пробудиться от зимнего анабиоза. Уже хотелось скинуть с себя надоевший ворох одежды, расправив крылья навстречу весеннему солнышку.

— Хочешь, на следующие выходные съездим куда-нибудь за город, снимем домик с баней...

— Спрашиваешь? Конечно, хочу! – радостно отозвалась я, уткнувшись лицом в обнаженную грудь Марата. Волоски щекотали нос: хотелось чихнуть и засмеяться одновременно.

Мы лежали, накрывшись по пояс одеялом. Он почесывал мою обнаженную спину, лениво вырисовывая пальцами витиеватые узоры, так нежно, что хотелось мурчать от удовольствия.

После того как я узнала, что он женат, наши отношения стали другого формата, более открытыми, раскрепощенными, и, как бы это парадоксально ни звучало, – мы стали ближе. Его главный секрет был раскрыт, стена недосказанности рухнула. Теперь я знала, кто ему звонит, когда он украдкой, краем глаза смотрит на экран телефона, а потом, сбрасывая вызов, небрежно бросает аппарат в карман. Знала, где он пропадал в выходные и с кем проводил вечера, когда не был рядом со мной. Он был с ней.

Мне было больно представлять их вместе, больно думать о том, как он целует ее перед сном, как они занимаются любовью, а утром пьют вместе кофе под выпуск свежих новостей. Было настолько больно, что я запретила себе это представлять. Мне хотелось думать, что, раз я её не видела, значит, никакой жены просто не существует. Конечно, женское любопытство неоднократно подстрекало залезть в сеть и все разузнать о своей сопернице, но каждый раз я мысленно била себя по рукам, запрещая это делать. Ведь когда я её увижу, её до сих пор фантомный образ приобретет оболочку, оболочку красивую, в этом я была более чем уверена. Тягаться с реальной женщиной мне будет не под силу. Мне было стыдно перед самой собой, стыдно перед ней, перед Костей, за то, что сплю с женатым мужчиной, но я не просто с ним спала – я его любила. И в моих глазах это казалось веским оправданием.

Я – любовница. Я сплю с женатым боссом – факт, который пришлось принять. Отказаться от него и наших отношений мне пока что не под силу. Я достойна презрения и порицания, но, увы, любовь слепа.

— А... как мы поедem? То есть ты сможешь провести выходные не дома? – я приподнялась на локте, пытаясь убрать с лица навязчиво спадающую непослушную прядь.

— А мне кто-то может запретить это сделать? – спросил он и любовно заправил волосы мне за ухо.

— Ты прекрасно знаешь, о ком я, – градус настроения резко упал до нуля. — Я о той, о которой мы договорились не упоминать.

— А зачем упоминаешь, раз договорились?

— Я и не упоминала, а лишь просто спросила, сможешь ли ты уехать на выходные, — прядь снова выпала. Разозлившись, взяла со столика резинку и убрала волосы в хвост. — Извини, но я не хочу потом в последний момент услы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.